

СЕРИЯ СБОРНИКОВ ПО УСТРОЙСТВУ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЭКСКУРСИЙ
под редакцией:

Ашукова, Н. С., Лебедева, А. М., Поликова, В. Г.,
Устинова, И. В.

Выпуск IX

Ф. А. ВАСИЛЬЕВ-УШКУЙНИК

ПУШКИНСКИЕ
УГОЛКИ
ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Т-ва „В. В. ДУМНОВ, насл. бр. САЛЯЕВЫХ“.
ОСКВА — 1924 г.

СЕРИЯ СВОРНИКОВ ПО УСТРОЙСТВУ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЭКСКУРСИЙ

под редакцией:

Ашукина, Н. С., Лебедева, А. М., Полякова, В. Г., Устинова, И. В.

Выпуск IX

Ф. А. ВАСИЛЬЕВ-УШКУЙНИК

ПУШКИНСКИЕ
УГОЛКИ
ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Т-ва „В. В. ДУМНОВ, н-ки бр. САЛАЕВЫХ“
МОСКВА—1924 г.

Экскурсия в „Пушкинские уголки“ Псковской губ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Мы пережили исторический смерч, который дальше проносится по всему миру.

В своем стихийном круговорождении он захватил не только нас, бродивших по земле, но и тех Великих, которых уже нет между нами. Требования момента заставили произвести в „спешном порядке“ переоценку ценностей... и великому Пушкину как будто не находилось места на „корабле современности“.

Если более полстолетия тому назад Писарев задорным плечом только толкнул Пушкина, то в наши дни нашлись целые группы писателей, которые смело требовали сбросить его вместе с другими „отжившими“ с палубы несущегося быстро вперед „парохода современности“.

И сбросили.

Но вот стали быстро кристаллизоваться новые формы жизни, а с ними вместе и новые формы искусства. Началась новая переоценка ценностей уже в порядке нормального течения событий.

И вновь оказался нужен великий Пушкин с его простотой, ясностью и четкостью, т.-е. с тем, что и делает его классическим.

Застрелщиком „возврата к Пушкину“ был поэт как раз наиболее свежего и яркого нового течения—это В. Казин, талантливый представитель пролетарских поэтов.

Он четко осознал „нужность“ Пушкина и выявил это ярко в своем стихотворении, посвященном памяти великого поэта.

Отпечатано в 5-й типолитографии «Мосполиграф», Мыльников п., 14, в количестве 4.000 экз. Главлит № 22763. Москва.

„Пушкин“.

Как хорошо расстаться с ночью
И, не успев ее забыть,
Еще мутясь от сонных клочьев,
Вдруг утро Пушкиным открыть.
Мгновенье—и блеском чудным,
И веет звучным блеском дух,
И упоеньем безрассудным
Цветет, поет и взор и слух.
И вот, овеяя упоеньем,
Затеплили любовь листы:
„Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты“.
Звенит стыдливый пыл Татьяны,
Онегина брюзгливый вид,
Вот в „Подражаниях Корану“
Восток по-русски говорит.
Державный ученик победный...
Стихийный, величавый смотр...
А вот, сорвался, скачет, медный,
Грохочет медным гневом Петр.
А вот, в небрежном вдохновеньи
У гения чудеса звучат,
И вот, Сальери, в упоеньи,
Завистливый подносит яд.
Подносит яд, но я и сам бы
Был поднести России рад
Подобный яд, который ямбы
Так сладостно струят, струят.
Звенят, сияют ямбов струи,
Губам даруют чудеса,
Как будто сам меня целует
Кудрявый, славный Александр.

Но В. Казин не оказался той одинокой ласточкой, которая не делает весны: критик-марксист Львов-Рогачевский читает уже лекции и пишет статьи о возврате к Пушкину, создается группа молодых поэтов „неоклас-

сиков“ и т. д. Даже имажинисты пожелали иметь своим отцом Пушкина и устами И. Грузинова в статье „Пушкин и мы“ говорят в № 1 за 1924 г. своего „официоза“— „Гостинница для путешествующих в прекрасном“—следующее:

„Не кричим—долой Пушкина с парохода современности, потому что он, как архитектор, развертывающий проекты литературного будущего, современное кочегаров футуризма“.

Предстоящая 125-летняя годовщина рождения поэта (8 июня 1799 г.) и 100-летняя годовщина высылки его в с. Михайловское, Псковской губ. (9 августа 1824 г.), несомненно, еще более усилят интерес к нашей гордости—великому поэту, и создадут литературу о нем.

И мнится, что за поэтом еще более укрепится его первое место не только на „пароходе“, но даже и на самом усовершенствованном „аэроплане современности“.

Учитывая интерес к забытым „Пушкинским уголкам“, настоящая брошюра преследует очень скромную практическую цель: она должна помочь экскурсантам и руководителям экскурсий провести экскурсию в „Пушкинские места“ Псковской губ.

Автору пришлось в разное время несколько раз посетить Св. Горы, Михайловское и Тригорское, при чем одно из этих посещений было групповой экскурсией школьного типа. Хотя экскурсия эта, совершенная пешком в 90-х годах прошлого столетия, когда экскурсии, как метод образовательной работы, еще не существовали, была скорее паломничеством на могилу поэта, носила чисто кустарный характер, была плохо организована и проведена без системы, но все-таки она дала автору известный опыт. Таким образом, настоящая брошюра проработана с теоретической стороны по очень немногочисленным методико-экскурсионным пособиям, имеющимся в экскурсионной литературе, а с практической—на опыте проведения нескольких одиночных посещений „уголков Пушкина“ и одной групповой экскурсии.

Последний раз автору удалось побывать в „уголках“ уже после революции, летом 1923 г. в составе случайно образовавшейся группы из 5—6 человек. Этим и объясняется внесение в экскурсию моментов современности.

Краткие общие методические сведения.

Уже самое определение понятия экскурсии дает некоторые основные методические указания.

Экскурсия есть прогулка, ставящая своей задачей изучение определенной темы на конкретном материале, доступном созерцанию *) (или наблюдению).

Экскурсионная прогулка есть планомерный обход предметов наблюдения, носящий в себе элемент разведки, отыскивания материала для определенных выводов на известную тему.

Элемент моторности играет большую роль в экскурсии: передвигаясь с места на место по намеченному плану, экскурсант обостряет свою восприимчивость и этим вносит эмоциональность в свою работу. Намеченный же план обхода должен способствовать познавательной работе, постепенно развертывая пред экскурсантом разные стороны изучаемого объекта.

Но самое главное значение для успеха экскурсии имеет тема ее. Тема своею определенностью ставит всю работу экскурсии в оглобли, не давая, при обилии материала, забираться в сторону и отвлекаться. Она же диктует выбор материала, постепенность его предъявления экскурсантам и создает маршрут экскурсии. Все, находящееся в поле зрения экскурсanta и освещающее тему, должно быть втянуто в работу.

Экскурсии строятся, главным образом, на зрительном материале, но, конечно, не следует ограничиться только им: звуки, запахи, иногда осязательные ощущения и др. могут способствовать работе над темой экскурсии. В

*) Н. Анциферов „О методах и типах историко-культурных экскурсий.“

экскурсиях литературных играет не маловажную роль словесный элемент.

Выделить, разобрать экскурсионный материал, подвести итоги наблюдений, сообщить разного рода справки комментирующего характера, восстановить в воображении экскурсантов изучаемый полуразрушенный или совсем разрушенный памятник, образно оживить прошлое или дать характеристику эпохи—все это руководитель может лишь с помощью слова.

Но со словом, как с элементом экскурсии, нужно обращаться очень осторожно и давать его в самых небольших дозах.

Далее,—всякая экскурсия мыслит работу не только во время самого ее осуществления, но обязательно требует как предварительной подготавливающей работы, так и последующей, суммирующей и классифицирующей весь полученный от экскурсии материал. Собственно экскурсия является, так сказать, средним элементом в процессе разработки намеченной темы.

В заключение нельзя не отметить роли руководителя в экскурсии. Руководитель должен быть главной, но невидимой пружиной,двигающей работу экскурсии, при непременной активной работе самих экскурсантов. На экскурсии неминуемо отражается индивидуальность руководителя, так как выбор темы, подбор материала, разработка маршрута и т. п. зависят главным образом от него.

Этими краткими методическими указаниями общего характера автор хотел помочь организаторам и руководителям провести в жизнь экскурсии в с. Михайловское и его окрестности, где жил и погребен А. С. Пушкин.

В дальнейшем, при разработке деталей намеченной экскурсии, будут даваться указания на конкретном материале.

Пушкинские места в Псковской губ.

Это реки Великая и приток ее Сороть, озеро Кучане, чрез которое протекает Сороть, Свято-Горский монастырь (местное название Тоболенец), с. Михайловское

(по местному Зуево), с. Тригорское, б. пригород Воронич, погост Городище и отчасти расположенные по реке Великой города: Псков, Остров и Опочка.

Экскурсанты, едущие в Михайловское со стороны Ленинграда, отправляются с Варшавского вокзала до Пскова, где пересаживаются на железнодорожную линию Псков-Полоцк и доеzzают до ст. Тригорская, расположенной в 1-й версте от Свято-Горского монастыря. Направляющиеся же от Москвы с Виндавского вокзала по Московско-Белорусско-Балтийской железной дороге доеzzают до ст. Идица, где пересаживаются на ту же линию Псков Полоцк и едут до той же станции Тригорская с другой стороны *).

Псков, древний Плесков, один из старейших русских городов, имеет выдающееся прошлое. Древность его восходит к до-рюриковским временам. По указаниям Псковского летописца во времена призыва князей Псков уже был селением кривичей, а немного позднее князь Игорь взял себе жену из „Плескова“. С XII века Псков считается уже пригородом Великого Новгорода.

Много безмолвных памятников пережитого оставил до наших времен старый Псков. Исторические, археологические, художественные и др. сокровища Пскова огромны.

Для целей намеченной нами литературной экскурсии хотелось бы, если представится возможность, воспользоваться исторической стариной Пскова. Пусть экскурсанты обойдут Псковский „детинец“: пройдут вдоль полуразрушившихся стен, обогнутут его седые башни, полюбуются древним собором внутри кремля, построенным по одним сведениям княгиней Ольгой в 965 году, по другим—князем Всеволодом в 1137 г.; пусть со стороны Завеличья (часть города за рекой Великой) охватят общий задумчивый вид Псковского красавца. Для нашей цели нужно, чтобы экскурсанты как можно сильнее ис-

*) Поезда из Пскова до Тригорской и из Идицы до той же станции бывают 2 раза в неделю; из Москвы надо выезжать в субботу или вторник с 7 часовым веч. поездом.

пытали на себе власть места, почувствовали дыхание старины. Для нас особенно ценна здесь эмоциональная сторона, созерцательный момент, овеянность души далеким прошлым.

Познавательный момент может пока отойти на второй план,—на первом теперь—созерцательный процесс.

Руководителю следует победить у себя искушение дать интересные справки, зарыться в глубь истории, в дебри старого искусства, археологии и пр. Пусть экскурсанты интуитивно воспринимают то, что дает им непосредственное созерцание. Хорошо бы провести эту часть экскурсии ранним утром (когда все еще спят) или при надвигающемся сумраке вечера. Это может создать впечатление волшебства, перенеся на мгновение в старину стародавнюю.

Интересен также вид кремля и собора со стороны Псковы-реки *).

Нельзя не отметить, что недалеко от Пскова находится пригород Изборск, о котором упоминает летопись Нестора под 862 годом: здесь жил Трувор. Изборск, как и недалеко от него лежащий Псково-Печорский монастырь (по-местному „Печоры“), удивительно интересные места своею древностью и своеобразной красотой **).

Город Опочка стоит вверх по реке Великой в 120 верстах от Пскова. Он немного моложе Пскова: об Опочке, как о селении, встречаются указания в Псковских летописях еще в 1341 г.; городом он стал с 1414 года, когда псковичи устроили в Опочке крепость, отведя часть реки в большой, около $\frac{1}{2}$ версты ров. На образовавшемся таким образом острове и была построена для защиты от литовцев, поляков и немцев земляная крепость с высокими насыпными крутыми стенами и де-

*) У художника С. Горбатова имеется несколько картин с изображением Псковского кремля, из которых некоторые изданы на открытках б. Красного Креста. В I томе „Живописной России“ (изд. Вольфа, 1881 г.) имеется хороший типографский рисунок кремля со стороны Завеличья.

**) Хороший снимок в том же издании „Жив. России“.

ревянными бойницами. Здесь и разместился город и просуществовал в таком виде до 1774 года, когда случился большой пожар, уничтоживший все постройки. После этого пожара город не восстановлялся на острове, а стал строиться на „посаде“ и на так называемом „остроге“. Остатки крепости существуют и теперь, но утратили свой воинственный вид, превратившись в очень красивый и оригинальный городской сад (по местному „вал“).

Экскурсанты, едущие из Москвы через ст. Идица, проезжают через ст. Опочка, в 40 верстах от которой находится с. Михайловское.

Маленький, захудалый, хотя и очень красивый городок почти ничего не может дать для нашей экскурсии.

Необходимо отметить, что почти все письма Пушкина к друзьям и их к нему во время его ссылки — а этот период особенно богат письмами — помечены штемпелем „Опочка“.

В стихотворениях поэта есть упоминания об этом городе, напр. в ст. „Признание“, шутливом произведении, произведенном А. И. Осиповой (падчерице П. А. Осиповой из Тригорского); упоминаются „и путешествия в Опочку“; в другом таком-же стихотворении поэт высмеивает опочецких барышень.

Город Остров, лежащий на реке Великой, между Псковом и Опочкой, основан в XIV веке, тоже был крепостью, остатки которой в виде развалин еще и теперь можно видеть на небольшом островке реки Великой *).

Река Великая, несмотря на свое название, очень не велика (около 200 верст) и славится красивыми берегами. Начиная от г. Острова вниз по течению по ее дну и на берегах выступают мощные пласты девонского известняка. Крепости в г. Острове и Пскове и некоторые старые здания в них построены из этого камня. В 18 верстах от Пскова река Великая впадает в Псковское — по-местному Талабское озеро.

*) Этот город находится в стороне от нашего маршрута.

Река Сороть, протекающая мимо с. Михайловского, Тригорского, Воронича и Городища, впадает в Великую верстах в 5 от с. Михайловского.

Вся местность по бассейну реки Сороти и прилегающей к нему части реки Великой представляет группу Вязовских отрогов Валдайской возвышенности, к числу которых относится группа Святогорских холмов, живописно раскинувшихся по рекам Сороти и Великой. Холмистая местность, обилие речек, ручьев и озер, леса, кое-где сохранившиеся и теперь, — все это придает местности исключительную, хотя и скромную красоту, вдохновлявшую гениального поэта.

Краткие сведения о Пскове, Опочке и Острове нужны нам для того, чтобы подготовить или создать у экскурсантов впечатление особой насыщенности тех мест, на которые они ступают ногой.

Скромна природа края, но холмистость делает ее чарующую; бедны и полуразрушены ее архитектурные памятники, но в них мы чувствуем дыхание соломенной и бревенчатой Руси; убоги, нищи, забыты царями, боярами и дворянами ее жители, но они потомки тех, кто своею грудью за земляными валами, деревянными и грубо-каменными стенами отстаивал русскую народную самобытность, свои права на вече и смело ушкуйничал по новым местам.

Здесь Русь сохи-матушки, которая не брошена еще и теперь, Русь избяная, курная, вечевая и ушкуйная!

Темы экскурсий.

Наша литературная экскурсия будет посвящена творчеству Пушкина за период его ссылки в Михайловское со дня прибытия его туда 9 августа 1824 г. по сентябрь 1826 г., когда в ночь с 3-го на 4-е сентября он, в сопровождении посланного Псковским губернатором лица, был увезен в Псков, а оттуда в Москву для „представления“ царю Николаю I.

Это двухлетнее „заточение“ оставило яркие следы на творчестве поэта. Здесь написаны крупнейшие его про-

изведения и ряд совершеннейших перлов лирики. Здесь были созданы: „Борис Годунов“ целиком, 3, 4, 5 и 6 главы „Евг. Онегина“, т.-е. те главы, где сосредоточено главное содержание романа, 9 песен „Подражания Корану“, закончены „Цыгане“, написан „Граф Нулин“ и „Жених“, начаты „Моцарт и Сальери“ и даны такие блестящие лирические стихотворения, как „Я помню чудное мгновение“, „Ненастный день потух“, „Роняет лес багряный свой убор“, „Пророк“, „Вакхическая песнь“ и ряд других, более мелких.

Наша экскурсия, как литературная, не может демонстрировать объект изучения, ибо он недоступен для зрения, но может только комментировать его.

Мы постараемся познать произведения поэта обходом, через немых посредников—доступные нашему наблюдению памятники старины, топографию местности, природу в ее многообразных картинах и человека прошлого постольку, поскольку будут доступны нам следы его деятельности и рассказы о нем.

Весь этот материал должен: 1) углубить нас в литературное произведение, 2) помочь понять некоторые черты личности творца, отразившиеся в творчестве, и 3) хоть немного приблизить нас к освещению психологии его творчества.

Учитывая силы экскурсантов, необходимо избегать перегружения их внимания обилием наблюдавшего материала. Поэтому из всего огромного литературного материала, который дает поэт за время пребывания его в Михайловском, мы берем только самое капитальное произведение—„Бориса Годунова“ и ряд лирических произведений, навеянных жизнью в селе в разное время, считая в том числе и некоторые места из „Онегина“.

Материал огромный. Уложить его в одну экскурсию в полной мере невозможно.

Но и обойти его, отодвинуть в сторону, раз попадаешь в „Пушкинские уголки“, тоже невозможно. Остается только путь сужения темы для проработки. Мы и попытаемся это сделать.

Если царь Борис является главным героем трагедии, то другим, не менее важным героем является народ. В основе развития трагедии лежит „конфликт“, выражаясь по современному, между народом и царем. И именно царем, а не Борисом. Царь на одном конце, народ—на другом. Между ними не может быть общения,—это две стихии, враждебные друг другу.

Отмечая выше Русь вечевую, ушкайную, хотелось указать, что трагедия писалась там, где когда-то царила своеобразная сермяжная республика, два „вольные брата“—Новгород и Псков.

Псковская старина не дает материала для познания и почувствования царей: она слишком стара для этого. А если и вспомнятся цари, то это „грозные“ Иваны третий да четвертый, пролившие потоки ушкайной крови. Недобрая эта память: не тянет она к царям.

Да и поэта не очень занимали цари.

Вот кусочек его письма к Гнедичу: „я жду от вас эпической поэмы. Тень Святослава скитаются не воспетая—писали вы мне когда-то. А Владимир? А Мстислав? А Донской? А Ермак? А Пожарский? История народа принадлежит поэту“. Поэта интересуют народные герои.

В связи с этим отмечается за Михайловский период особенное повышение интереса его к русской народной жизни, прошлой и настоящей. И ранее существующий интерес к народному творчеству значительно обостряется: поэт собрал много народных песен, сказок, поговорок и написал ряд стихотворений, где слил личное творчество с народным („Жених“, „Колокольчики звенят“ и др.).

Попав в пределы Псковщины, окруженный курганами, городищами, могилами—памятниками бурного прошлого, чуткий поэт скоро оказался во власти места. И уже в конце 1824 года задуманная немного ранее трагедия была им начата, захватила его целиком и в конце октября 1825 г. окончена.

Писалась она в с. Михайловском, но для титульного листа ее он дает такой текст.

Драматическая повесть.
Комедия
о настоящей беде
Московскому государству,
о царе Борисе
и о Гришке Отрельеве.
Летопись о многих мятежах
и пр.
Писано быть
Алексашкою Пушкиным
в лето 7333
на городище Ворониче.

Городище Воронич, упоминаемый здесь, ранее город, в Пушкинское время был только маленьким селением—несколько домиков и церковь. Он находится в 2—3 верстах от Михайловского. Конечно, поэт не ездил туда писать свою трагедию. Но прошлое охватило его. И сидя в скромном домике тихого Михайловского, он перенесся в старый Воронич, был Алексашкою Пушкиным и писал „летопись“ не только о царе, но и „о Гришке Отрельеве и о многих мятежах“.

„Всегда народ к смятению тайно склонен“. Эти соображения в связи с тем материалом, который нам дает экскурсия, диктует возможность и необходимость ограничить нашу работу подбором об'ектов, иллюстрирующих следующие моменты в создании „Бориса Годунова“: с одной стороны, это седая старина Псковщины, охватившая поэта, с другой—все то народное, что впитано им с рождения от няни Арины Родионовны, от дворовых людей в детстве, от скитаний по Руси и общения с крестьянами в окружающих Михайловское

селениях во время его изгнания, что дало ему возможность создать интересные народные типы, уловить и даже индивидуализировать толпу.

Былое и народное в их воздействии на творца „Бориса Годунова“— вот первая и главная наша тема.

Сознавая, что тема очень обширна и трудна, особенно благодаря внесению вопроса о „народном“, мы всетаки не можем ограничиться только первой частью темы: современность бурным потоком ворвалась в тихие рощи Михайловского и Тригорского и оставила от „Пушкинских уголков“ только камни фундаментов. Мимо этих камней нельзя пройти равнодушно: они вопиют о разъяснении.

В факте разгрома пушкинских памятников, кроме общих причин стихийного характера, местные условия вносят еще очень характерные штрихи, которые смогут, может-быть, не только об'яснить, но даже и оправдать страшный и горький факт уничтожения этих скромных, но дорогих народных ценностей.

В процессе работы по этой первой теме деятельность экскурсии будет направлена значительно более в сторону познавательных процессов. Но, конечно, они часто будут переплеться с элементами эмоционального характера, что иногда даже прямо необходимо.

Вторую тему работы приходится значительно суживать, по возможности ограничиваясь только иллюстрацией к лирическим произведениям поэта, связанным с его пребыванием в разное время в с. Михайловском.

„Природа Михайловского и Тригорского в ее отражении в лирике Пушкина“— вот наша вторая тема.

Работа над этой темой строится на эмоциональных моментах. Задача этой части экскурсии—уловить и осознать связь творчества поэта с природой посещаемых мест. Михайловское и Тригорское в этом отношении дают массу материала: здесь воспет поэтом, кажется, каждый уголок. Здесь надо только видеть и остро чувствовать природу. А неумеющему ее чувствовать она даст с помощью стихов поэта прекрасный наглядный урок.

Хорошо бы эту часть экскурсии провести осенью, которую так любил поэт.

Унылая пора, очей очарованье,
Приятна мне твоя прощальная краса.
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и золото одетые леса...

Вне наших тем стоит посещение могилы поэта. С него, в силу острого интереса экскурсантов, приходится начинать экскурсию в монастыре и им же кончать, покидая „Пушкинские уголки“. Мы не оскорбим память поэта тем, что от его могилы начнем свою работу. Он сам желал:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

Природа равнодушно, но чутко охраняет его покой, а мы, олицетворяя младую играющую жизнь, принимаемся за работу.

Начало экскурсии.

Уже подъезжая по железной дороге к ст. Тригорская, верст за 10—15 до нее можно заметить, что пейзаж меняется: вместо равнины—холмы, которые становятся все круче и круче, грунт из темного превращается в светлый, песчаный, по склонам холмов сбегают лески, хотя их и немного.

Едущим со стороны Ленинграда предстоит верстах в 5 от конечной станции пересечь реку Сороть совсем недалеко от Тригорского. Со „скамьи Онегина“ в парке Тригорского виден железнодорожный мост.

Продукт культуры, железнодорожная линия, хотя и захудала, заброшенная (была создана в связи с военными нуждами во время Германской войны), кажется здесь лишнею, нарушающей гармонию этих тихих, точно застывших, заколдованных мест. Только курганы и городища охраняют их покой. Но тишина так застыла, что

шум паровоза, его свистки и звяканье колес как-то тонут в этом дремотном спокойствии.

Между Соротью и станцией Тригорская мы попадаем в сказочные места. Здесь Воронич, Городище, Савкина гора, Михайловское и Тригорское—теперь только маленькие селеньица. А народные предания вспоминают тут большой город Воронич. Конца краю ему не было. Где теперь Михайловское и Св. горы—везде город был, а ныньше лесом заросло, ничего не узнаешь...“^{*)}

Только верста с небольшим отделяет станцию Тригорскую от монастыря и селения Тоболенца.

Эту версту надо пройти пешком, при чем желательно итти не той дорогой, по которой обычно со станции доходят до селения, а сделать небольшой крюк, чтобы попасть на дорогу, ведущую со стороны Опочки.

В'езд со стороны Опочки ценен для нас тем, что он ярче развертывает всю panoramu селения и монастыря. Мы попадаем точно в ущелье, сдавленное с обеих сторон песчаными грядами; затем мало—по—малу вылезают перед нами прилепившиеся к буграм домики, и вдруг неожиданно сразу открывается на высокой горе монастырь с его церквями, стенами, садом и улица с прилепленными домиками, спускающаяся в яму, чтобы затем сразу же подняться в гору до ворот монастыря^{**)}.

На эту особенность топографии Тоболенца приходится обратить внимание, так как она, видимо, послужила поводом для создания местной легенды, что напавший на эти места Стефан Баторий не заметил монастыря и ушел в другую сторону. Входим в главные ворота монастыря, узкой аллейкой между двух стен проходим во двор и у вторых, так называемых „Пушкинских ворот“ по широкой циклопической, из целых камней сооруженной лестнице, под сенью дерев поднимаемся вверх; на горе обходим вправо церковь—и пред нами место вечного упокоения—памятник Пушкина.

^{*)} Гаррис „Уголок Пушкина“.

^{**)} У ворот монастыря школа, в которой обычно останавливаются экскурсии: есть постели, самовар, прислуга.

Могила поэта.

Здесь царит какой-то особый покой, без мрачности и холода могилы. Здесь хорошо молчится.

„Бдения и сна приходит час определенный“.

„Благословен и тьмы приход“.

Молчание здесь сильнее речей.

Пусть первое посещение могилы поэта будет молчаливое. Опыт показал, что экскурсантам, особенно более пожившим и пережившим, хочется в одиночку побывать на могиле: к этому так сильно тянет, что некоторые улавливают моменты, чтобы оторваться от толпы и наедине „побеседовать“ с поэтом.

С этой особенностью места приходится считаться. Не мешает порекомендовать посетить могилу поэта одному или в малом числе товарищей, так как в большой группе настроение спокойной умиротворяющей тишины нарушается.

Настроение это далеко от какого-либо мистицизма: тишина, но в ней чувствуется жизнь, могила — но нет мрачности, так как в ней тот, кто принял жизнь светло, так как „природа сияет вечной красотою“, так как все „благо...“

Беседу о кончине, погребении и могиле поэта удобнее провести в другое время, какое удобнее по мнению руководителя. Не отрицается возможность сделать это и при первом посещении могилы, если со стороны экскурсантов будет выявлено определенное желание. Состав группы, ее настроение, случайное замечание кого-либо могут изменить характер работы. С этим руководителю приходится считаться и всегда быть наготове перестроить детали экскурсии, раз это вызывается желанием или настроением группы. В плане же работы должно быть предусмотрено еще одно „прощальное“ посещение.

В 1836 году умерла в Петербурге мать поэта и была похоронена на Синичьей горе около церкви Святогорского монастыря. Поэт высказал во время пребывания на погребении матери в монастыре желание, чтобы и его тело покоялось там, „где погребена мать и предки его“.

Через год ему суждено было лечь около матери: он скончался 29 января 1837 года.

Оригинальное совпадение: четыре больших славянских поэта покоятся на вершинах гор, куда тела их были перенесены после смерти. На вершине Синичьей горы задумчивых святогорских холмов погребен русский поэт Пушкин; на вершине Вавеля в Кракове в мрачном храме покоятся прах польского поэта Адама Мицкевича, современника и друга нашего поэта; на вершине кургана над Днепром, среди степи лежит тело украинского поэта Тараса Шевченко; на вершине Стражилова, около Дуная, хранятся останки сербского поэта Брайко Радичевича.

Мертвый Пушкин очень пугал русское правительство: похороны его были обставлены таинственно и совершены поспешно. Тело поэта не позволили отпевать ни в Исаакиевском соборе, ни в церкви Адмиралтейства.

В конченнную церковь из квартиры перенесли его ночью 31-го января. Священнику не позволили сказать проповедь, в которой он хотел говорить и против дуэлей. Студентам Университета совсем было запрещено провожать тело поэта, на просьбу их: „итти за гробом в мундирах“. Профессора тоже лишены были возможности отдать последний долг великому поэту. После отпевания гроб был ночью вынесен из церкви в подвал. Министр народного просвещения был недоволен „пышной похвалой“ газет творчества поэта, сделал выговор попечителю учебного округа за неумение поддержать „надлежащую умеренность и тон приличия“ в прессе; журналисты получили нагоняй за сочувственные некрологи.

„Для свободного перевозения тела в монастырь“ потребовалось разрешение министра внутренних дел. После путешествий по всяким инстанциям, бюрократических отписок и пр., наконец, не оказалось больше „препятствий к удовлетворению настоящей просьбы, буде тело покойного не предано еще земле и закупорено в засмолленном гробе“.

Надлежащие гражданские, духовные и даже военные власти получили распоряжение не допускать „никакой встречи, никакой церемонии“ и 1-го февраля скончавшийся поэт получил „открытый лист“ на предъявителя, что „предписывается гражданским и земским полициям в провозе помянутого тела, до места предания оного земле препятствий не делать“.

Псковские власти еще более усилили осторожность: Псковский епископ пишет распоряжение о погребении настоятелю монастыря уже так: „чтобы при сем случае не было никакого особливого изъявления, никакой встречи, словом никакой церемонии, кроме того, что обыкновенно по нашему церковному обряду исполняется при погребении тела дворянина“.

Документ этот хранится в архиве монастыря. В нем есть еще указания, что все это делается „согласно воли его императорского величества государя императора“.

Интересный штрих дает указание на церковный обряд при погребении „тела дворянина“: тело крестьянина, видимо, отпевалось по иному.

В полночь 3-го февраля общий гроб с телом поэта, охраняемый жандармским капитаном, был вывезен из Петербурга: для мертвого поэта, как для живого преступника, оказалась нужна военная полиция. Сзади, на отдельном возке, ехал дальний родственник Пушкина — Тургенев.

„Дядька покойного желал также проводить останки своего доброго барина к последнему его жилищу, куда недавно возил он же и тело его матери. Он стал на дорогах, кои везли ящик с телом, и не покидал его до самой могилы“. (Письмо Тургенева).

5-го февраля тело прибыло в Тригорское. Вот рассказ об этом Екатерины Ивановны Осиповой (по мужу Фок из имения Лысая гора, на берегу р. Великой, недалеко от Тригорского).

„Когда произошла эта несчастная дуэль, я с матушкой и сестрой Машей была в Тригорском, а старшая сестра Анна в Петербурге. О дуэли мы уже слышали,

но ничего путем не знали, даже, кажется, не знали и о смерти. В ту зиму морозы стояли страшные. Такой же мороз был и 3 февраля 1837 года. Матушке нездоровилось, и после обеда, часу в третьем, она прилегла отдохнуть. Вдруг видим в окно: едет к нам возок с какими то двумя людьми, а за ним длинные сани с ямщиком. Мы разбудили матушку и вышли навстречу гостям, видим: старый наш знакомый А. И. Тургенев. Он рассказал матушке, что приехали они (он и полицейский офицер) с телом Пушкина, но, не зная хорошенько дороги в монастырь, и перезябши, вместе с везшим гроб ямщиком, приехали к нам. Какой ведь странный случай! Точно Александр Сергеевич не мог лечь в могилу без того, чтобы не проститься с Тригорским и с нами. Матушка оставила гостей ночевать, а тело распорядилась везти теперь же в Св. Горы вместе с мужиками Тригорского и Михайловского, которых отрядили копать могилу. Но копать ее не пришлось: земля вся промерзла — ломом пробили лед, чтобы дать место ящику с гробом, который потом и закидали снегом. На утро, чем свет, поехали наши гости хоронить, а с ними и мы обе — сестра Маша и я, чтобы, как говорила матушка, присутствовал при погребении хоть кто-нибудь из близких. Рано утром внесли ящик в церковь и после заупокойной обедни всем монастырским клиром с настоятелем, архимандритом, столетним стариком Геннадием во главе, похоронили Александра Сергеевича в присутствии Тургенева и нас двух барышень. Уже весной, когда стало таять, распорядился Геннадий вынуть ящик и закопать в землю окончательно. Склеп и все прочее устраивала моя мать, столь любившая Пушкина, Прасковья Александровна“. Погребение тела в монастыре состоялось 6-го февраля.

А. И. Тургенев писал 7 февраля 1837 года Вяземскому из Пскова, возвращаясь из Михайловского: „Мы предали земле земное вчера на рассвете. Я провел около суток в Тригорском у вдовы Осиповой, где искренно оплакиваю поэта и человека в Пушкине. Милая дочь

поэта показала мне домик и сад поэта. Я говорил с его дворнею... Везу вам сырой земли, сухих ветвей и

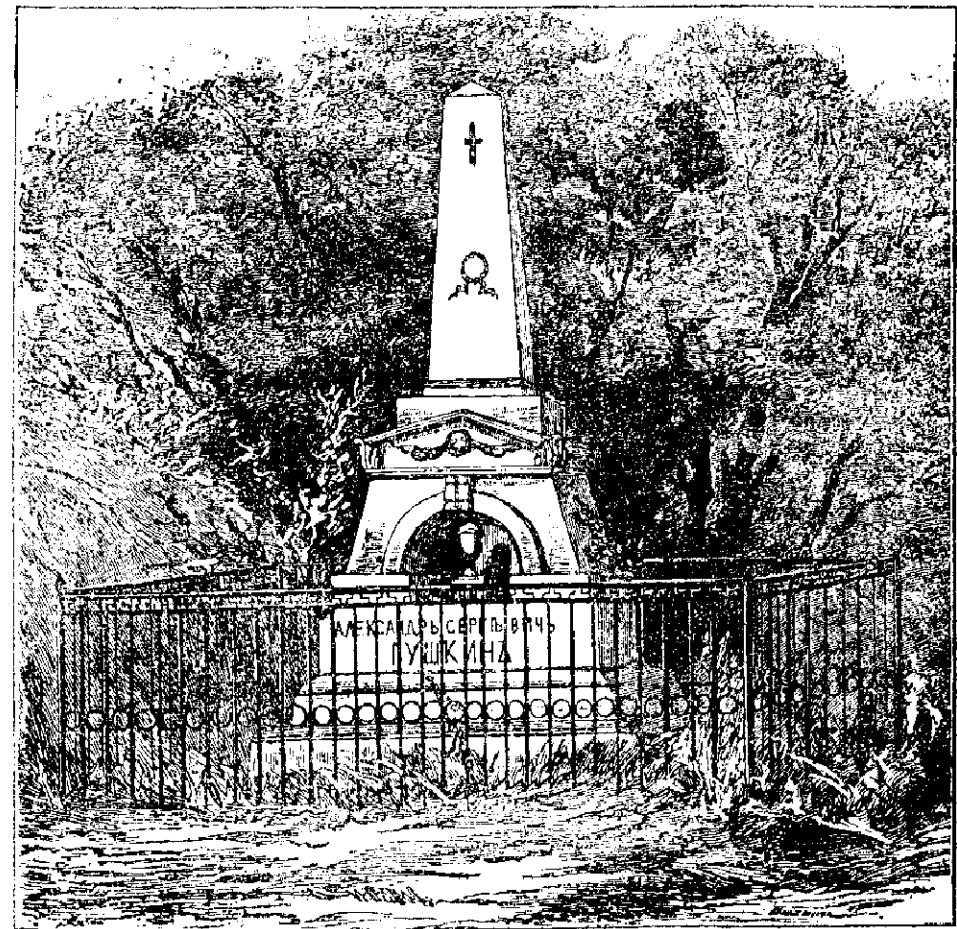

Могила поэта вскоре после смерти.

только... нет, — и несколько неизвестных вам стихов Пушкина".

Первое время над могилой стоял простой черный деревянный крест с надписью: "Пушкин".

Теперь стоящий памятник поставлен в конце сороковых годов.

Могила поэта в 40-х годах.

Рядом могилы деда и бабушки поэта Иосифа Абрамовича и Марии Алексеевны Ганибаль, умерших в 1806 и 1818 годах.

В 1848 году тут же был погребен и отец поэта. Следов могил отца и матери Пушкина не осталось в настоящее время, но небольшой каменный крест направо от могилы поэта, еле видный над каменным полом площадки хранит, как говорят местные старожилы, прах няни поэта Арины Родионовны. Поэт Языков писал на смерть няни,—а он ее хорошо знал, часто гостя в Тригорском и бывая у Пушкина,—следующее стихотворение:

Я отыщу тот крест смиренный,
Под коим, меж чужих гробов,
Твой прах улегся, изнуренный
Трудом и бременем годов.
Пред ним печальной головою
Склонюся; много вспомню я—
И умиленною мечтою душа разнежится моя.

Находит могилу не только современник и приятель поэта, но и мы. Отмечаем маленькую подробность о сохранении следов могилы поэта, как характерный штрих в памяти народной: народ оставил в своих воспоминаниях могилу няни, „подруги дней суровых“ опального поэта, но предал забвению могилы отца и матери его, которые сделали жизнь сына в Михайловском настолько тяжелою, что он возбудил в 24 году ходатайство пред губернатором о переводе его в крепость.

Этим штрихом нам придется воспользоваться в беседе в „домике няни“ о ее роли в творчестве поэта.

Тут же рядом лежит тело одного из Ганибалов, а именно сына „арапа Петра В.“.

У поэта был острый, повышенный интерес к своим предкам со стороны матери. Особено образ и судьба абиссинского принца, попавшего в Россию, всегда занимали поэта. „Его арапская рожа произведет странное впечатление на всю картину Полтавской битвы“—писал он брату по поводу поэмы Рылеева „Войнаровский“. Он точно чувствовал какую-то связь со своим предком. Его повесть „Арап П. В.“ должна была развернуться в роман. „Главная завязка этого романа—невериость жены сего арапа, которая родила ему белого ребенка

и за то была посажена в монастырь“⁴. Но роман не развернулся, остался неоконченным. Есть попытки исследователей угадать в этом факте связь с личной интимной жизнью поэта, повторившего далекую историю своего прадеда *).

Но и ныне лежащий рядом с поэтом сын „арапа“ Осип Абрамович Ганибал тоже незаурядная фигура. Он родился в 1774 году, „служа в артиллерию, сначала сухопутной, потом морской, он отличался пылким темпераментом и необузданым нравом, до такой степени был предан всякого рода диким увлечениям и излишествам, что сделался ужасом семьи, и отец долго не пускал его на глаза свои. Женился затем на Марии Алексеевне Пушкиной; он скоро развелся с нею, и в Пскове, служа по выборам, сказавшись вдовцом, обвенчался при живой жене на вдове капитана У. Е. Толстой. Результатом этого двоеженства был уголовный процесс, кончившийся тем, что О. А. высочайшей резолюцией 1784 г. развели со второй женой, утвердивши первый брак его, сослали на службу в Средиземное море, а затем он был сослан в свое имение, с. Михайловское, где и пребывал до смерти **).

Конечно, Пушкину было прекрасно известно прошлое своих предков—„арапов“. Их экзотическая яркость, бурность их темперамента привлекали его внимание не только к ним, как к личностям, но и к русскому прошлому. Деды и прадеды,—а могилы двух из них тут же на горе, где потом лег и сам поэт,—заставляли его оглядываться назад, в глубь веков, когда Петр забавлялся с „арапом“, Екатерина ловила Пугачева, Борис боролся с народом и боярами...

Очень показательно, что часть повести „Арап П. В.“ писалась им в 1827 г. в Михайловском же. Несомненно, что поэт чувствовал здесь на себе власть места, дыхание прошлого, голоса старых могил и памятников, что и тянуло его к творчеству в этой области.

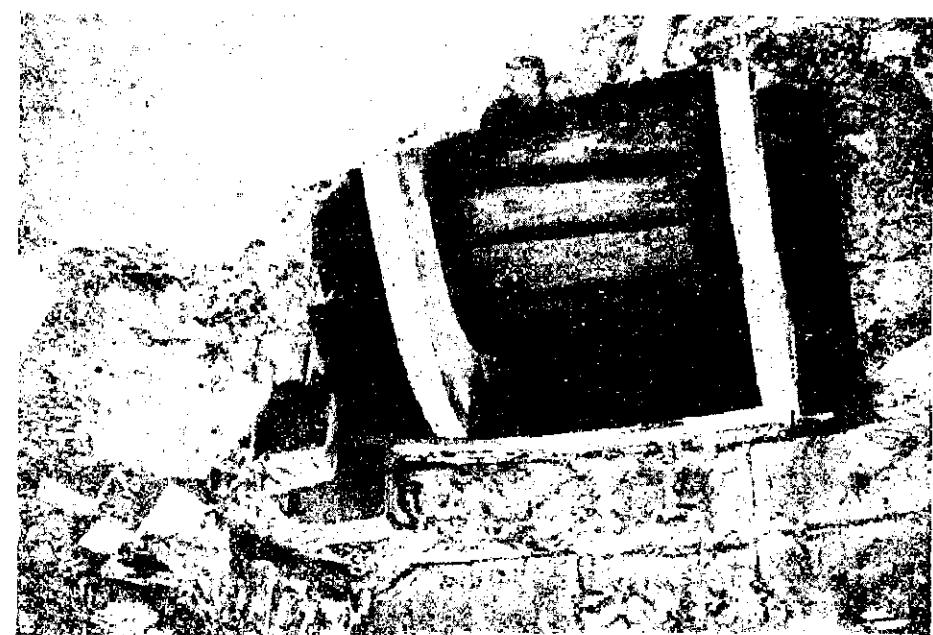
*) „Пушкин“ изд. Брокгауза, т. IV, ст. С. Аусландера „Арап П. В.“
**) Васильев „Следы пребывания Пушкина в Псковской губ.“

Обращаем и мы свое внимание на эти две каменные плиты, рассматриваем стертые временем надписи над телами пылкого Ганнибала и его первой жены.

Во время Пушкинских торжеств 1889 года по случаю 100-летия со дня рождения поэта замечено было, что крутой обрыв горы с могилой его склонен осыпаться и с'езжать вниз. Опасность грозила памятнику и могиле. Пришлось укрепить откос горы и самый памятник поставить на гранитный цоколь вместо кирпичного. Эта работа была произведена летом 1902 года. Во время подведения нового цоколя свод над гробом поэта осел, дав отверстие около 12 квадр. вершков. Сквозь отверстие обнажилась головная часть дубового гроба с прахом поэта. Несмотря на то, что гроб пролежал в земле 65 лет, он прекрасно сохранился до 1902 г., что обясняется свойствами песчаной почвы Святогорских холмов. Уцелели даже отдельные куски позумента, металлические украшения гроба. Гроб темно-коричневого цвета настоящего дуба, несколько иной формы, чем нынешние: более широкий, покатый и закругленный с боков. Документально известно, что гроб с телом поэта был привезен сюда в особом ящике, но от него остались лишь трухлявые доски.

Случайно попавший в эти места литератор Фролов и местный помещик барон Розен смогли сделать фотографический снимок с обнажившегося гроба, несмотря на большие неудобства. Характерно, что несмотря на ряд газетных статей об этом событии, никому не пришло в голову, что нужно сделать металлический ящик для сохранения гроба с прахом поэта от дальнейшего гниения или хотя бы заменить истлевший деревянный ящик новым. Наскоро укрепили свод новым кирпичом и предали дело забвению. Нынешнее состояние могилы говорит о заброшенности нашей литературной Мекки: пол площадки потрескался, крест с памятника сорван, пирамида с вершины памятника сброшена. Видимо кто-то пожелал таким образом „осовременить“ памятник поэта.

Интересна маленькая черточка, рисующая отношение к могиле поэта местных дворянских магнатов, попечению которых вручены были „уголки Пушкина“. Между прахом поэта и его предков оказался и стоял до последних годов небольшой памятник с надписью „Нюня. Скон-

Снимок обнаженного гроба поэта.

чалась в 1911 году⁴. Оказалось, что местный земский начальник Карпов сопричислил к роду Пушкиных и свою родственницу⁵).

Это штрих хотя и близкого, но уже так далекого прошлого. Современность же дала в связи с тем же памятником новый яркий штрих: узнав о такой заботливости „попечителя“ о своей родственнице, группа очень

⁴⁾ О нем нам еще придется говорить при посещении Михайловского.

экспансивных экскурсантов в 21 или 22 году собственными руками разбила и разбросала памятник „Нюси“, оставив от него только еле видный пенек *).

Былое.

Могилы поэта, его деда и бабушки и няни создают у посещающих эти памятники прошлого определенное настроение. Наша задача сейчас—воспользоваться окружающей обстановкой и этим создавшимся настроением, чтобы обострить у экскурсантов власть прошлого и места.

Огибаем церковь и спускаемся по той же каменной лестнице вниз, откуда пришли.

Величественная лестница—сооружение очень показательное. Она увековечена на многочисленных снимках и картинах (напр., худ. Максимова). Это тип циклопических построек. Большие дикие нетесанные камни, каких много на полях Псковской губ., образуют ступени широкой в два пролета лестницы. Из таких же камней сооружена и толстая аршинная ограда лестницы и всего монастыря. Ограда покрыта тесовой крышей, „шатром“. Как истлевший тес крыши, так и камни лестницы обросли мхом, деревья образуют над нею густой и темный шатер, под защитой которого в тихом сумраке мы спускаемся от могилы поэта.

Свою примитивностью, циклопичностью, отсутствием в ее сооружении культурных приемов работы, эта лестница должна усилить чувствоование в давно прошедшие времена.

Спустившись по лестнице вниз, мы влево увидим восточные ворота монастыря, поломанные и разрушенные недавно бывшим пожаром, которые называются еще и Пушкинскими, так как они обращены в сторону дороги в Михайловское и через них поэт всегда входил в монастырь.

*) Сообщила В. В. Починковская-Тимофеева, литератор, проживающая в Тоболенце.

Поворачиваем от лестницы направо, огибаем церковь под горой и поднимаемся на другую лестницу, каменную, крытую, с мрачными сводами, чтобы по ней подняться на туже Синичью гору в церковь.

Эта темная глухая лестница, находящаяся с одной стороны в земле, плохо освещенная с другой небольшими окошечками, своюю мрачностью, грузностью и древностью невольно переносит в другую эпоху.

Мы не заходим пока в церковь, а чрез проделанную в стене дверь поднимаемся по узкой и темной каменной лестнице, а потом по деревянным мосткам и лесенкам на колокольню, которая далеко видна подъезжающим к монастырю.

Нам нужна вышка, чтобы с нее обозреть весь поселок и окрестности. При ярком солнце, в яркий день взор хватает очень далеко. Говорят, что выдаются такие дни, когда видна Опочка, а это 40 верст пути. Наша задача ознакомиться с высоты с топографией местности.

Как на ладони пред нами все селение, окруженное холмами. Невзрачные домики и избушки лепятся по склонам холмов, своею скученностью местами создавая впечатление уголков старой Москвы на картинах Ап. Васнецова. Торчит безобразная пожарная каланча. Озерко, скорее большой пруд, совсем зажато окружающими его холмами и домами. Темнеет мрачной кучей сосен Тимофеева гора с чуть видной часовней. Мимо нее светлой лентой поднимается на поросший лесом хребет горы дорога в Михайловское. Вдали на горизонте видны рощи Тригорского и Михайловского.

Селение Тоболенец лежит в яме, закрыто холмами, в старые времена покрытыми лесами, было этими естественными условиями как бы ограждено от врагов. Опять, как и при входе в селение, вспоминается легенда о Стефане Батории, взявшем в 1581 г. город Воринич, в 5 вер. от Тоболенца, и не заметившем этого селения с монастырем. Вариант легенды: Батур-князь был ослеплен по молитвам православных.

Кругом типичный северный пейзаж: холмы и холмки, светлые рощицы берез, темные пятна сосен, озерки и речушки, ленты полей, кучки деревенских изб, пасущийся скот. И тишина. Она особенно слушается в этих глухих местах.

Здесь, на вышке колокольни можно сообщить некоторые исторические данные о монастыре. К сожалению их мало, так как в 1784 году сгорел весь архив монастыря. Основан он Грозным в 1569 году: „повеле на той горе устроиць церковь каменну и повеле быти обители“. Нижняя церковь построена гораздо позднее — в 1844 г., а колокольня, на которой мы находимся, в 1821 году.

Древняя история монастыря в виде „повести о явлениях чудотворных икон Богородицы во области града Пскова на Синичьей горе“ написана анонимным автором, книжным человеком, склонным к красивой риторике и подражающим хорошим образцам, но почти совсем не имеющим фактических данных.

Монастырек всегда был маленьким, хотя считался в числе „старших“ обителей, и за ним нет чего-нибудь исторически интересного.

На колокольне целый ряд колоколов с надписями, гласящими о том, кем они пожертвованы монастырю. Разобрать эти надписи, образцы славянской вязи, удается с трудом, но представляет большой интерес. Особенно всех посещающих колокольню интересует колокол Ивана Грозного. Небольшой, но когда-то звонкий колокол (личное воспоминание) ныне выбыл из строя: дал трещину и повешен в углу на восточной стороне колокольни. Но экскурсанты с большим интересом и особым удовольствием смотрели на этого ветерана.

Данные о монастыре говорят, что самая старая церковь, Успенская, еще до пожаров была переделана и, как это часто бывает, утратила значительную часть своей стилюсти, так как переделки носнулись как раз купола и крыши.

Бросив последний взор на окрестности, спускаемся вниз, к церковному входу. Маленькая церковь с толстыми стенами, темная и таинственная, напоминающая отчасти внутреннего Василия Блаженного в Москве, нужна нам только для того, чтобы усилить воздействие прошлого.

В этих же целях желательно осмотреть старинные исторические ценности монастыря, обратившись к настоятелю или другому лицу, кому поручено охранять памятники старины*).

Здесь имеются любопытные для экскурсантов вещи: евангелие 1625—26 годов, времен Михаила Федоровича, о чем гласит порыжевшая витиеватая надпись; затем евангелие времен царя Федора Алексеевича печати 1681 г., вышитые золотом и серебром предметы культа, подаренные известным западником до-петровских времен Ордын-Нащокиным, старинные иконы, старинные резные из дерева ризы на иконах и др.

Пусть экскурсанты вглядываются в сложные закорючки и украшения порыжелых букв, в упрощенные, но яркие рисунки вышивок, в темные условные лики икон, в стильность и тонкость резных деревянных риз, вдохнут в себя запах старых слежавшихся книг, кое-где закапанных воском свечей...

Все это должно быть направлено к нашей цели: по знать и почувствовать на реальных объектах былое.

Теперь мы покидаем внутренность монастыря и выходим мимо циклопических стен ограды с одной стороны и могил бывших настоятелей с другой в главные ворота на улицу.

Ворота ничего особенного не представляют ни со стороны архитектурной, ни археологической, но они связаны с жизнью поэта целым рядом рассказов о нем. Направо от них, сразу за углом находится читальня и

* Проживающая в Тоболенце В. В. Починковская-Тимофеева, старый литератор из Михайловской колонии, состоит членом комиссии по охране памятников старины.

библиотека имени Пушкина. Но мы ее осматривать не будем до возвращения из Михайловского, так как материал, почерпнутый из обзора, даст заключительные интересные черточки.

Народное.

Выйдя за стены монастыря, мы вступаем в мир кипящей жизни и современности из мира затворничества и мирного умирания.

Наша работа переносится в другую часть темы, оперируя материалами этнографического характера.

Уже на пути по железной дороге, въехав в пределы Псковской губ., мы попадаем в область оригинального народного говора. На псковском говоре очень сильно оказывается влияние белорусского и отчасти польского языков. Особенно резко чувствуется цоканье, яканье, отсечение окончаний глаголов (напр., цай, Опоцка, нясё, вязё, идё=чай, Опочка, несет, везет, идет), неожиданные новые слова, напр., блицы—грибы, журавины—ключва, взаболь—взаправду, тюшка—дырка, посоци—поищи и целый ряд других, затрудняющих разговор с местным жителем настолько, что вначале не всегда улавливается даже смысл речи.

Побеседовать с крестьянами-псковичами в дороге, в Тоболенце и в деревнях очень полезно для нашей цели—восприятия народного. Совершенно новый для экскурсантов говор крестьян с такими оригинальными звуковыми изменениями знакомых слов и оригинальными новыми словами прекрасный стимул длячувствования в псковское народное. В беседах около Пушкинских уголков особенно показательным может явиться совершенное незнание крестьянами Пушкина *).

Этот печальный штрих мы прибережем, как материал для дальнейшего, буде это случится на нашем пути.

*) С этим фактом автору пришлось сталкиваться несколько раз последний раз в 1923 году.

Пушкин попал в Михайловское прямо с горячего юга с его полуазиатской культурой (Крым, Кавказ, Бессарабия). Конtrast резкий. Тихий заброшенный монастырек между пологих холмов, пейзаж со скромными березками, сосенками, речушками и озерками, оригинальная крестьянская речь, домодельная пестрота незатейливых одежд, примитивные заунывные песни—все это должно было, после юга, поразить поэта и особенно подогреть его интерес к народности, отмечаемый биографиями еще и на юге.

И вот тут, у стен монастыря, у столбов ворот горела самая „взабольная“ народная жизнь со всеми ее красотами, привлекающими поэта.

Еще и теперь большую роль в экономической жизни псковщины играют небольшие местные ярмарки по деревням и селам, подгоняемые к церковным праздникам. В Тоболенце бывает несколько ярмарок, но самая большая, на весь уезд, бывает в „девятнике“, т.-е. в 9-ю пятницу после пасхи. Эта крупная ярмарка привлекала весь торговый уезд и служила средством существования для монастыря *).

Доход с кабаков и пива шел в монастырскую казну еще по царским грамотам XVII века, около стен монастыря и по улице выростал целый торговый городок, до 150 гостинных лавок, принадлежащих монастырю же. Среди товаров видное место занимали сырье, домотканые крестьянские холсты и полотенца, кустарные гончарные изделия и, почему-то, патока.

Кроме торговцев и покупателей — дворян, купцов, мещан и крестьян — сюда сходилось великое множество старцев, стариц, калик перехожих, юродивых и всяких иных представителей „бродячей Руси“. Они длинными рядами сидели, лежали и стояли у самых ворот и своими песнями-лазарями, язвами, уродствами и часто сознательным чудачеством привлекали внимание народа.

*) Очень желательно было бы подогнать экскурсию к этому времени: ценность ее значительно повысилась бы.

Обилие их и вся их „rarитетность“ поражает и теперь
свежего человека *).

Чуткий к ярким чертам народного быта, может быть, ища для своей трагедии образ юродивого,—а он искал его в книгах и в жизни, что видно по письму от 17/VIII—25 г. к Жуковскому: „нельзя ли мне доставить или жизнь Железного Колпака или житие какого-нибудь юродивого“—Пушкин не мог оставаться безучастным к столь оригинальной народной толпе и к стильному их пению духовных стихов.

Имеется очень интересная запись в дневнике опочинина И. И. Лапина (довольно распространенная в Опочке купеческая фамилия) о встрече его с поэтом. Вот эта запись со всеми ее особенностями стиля и правописания (кроме ятей и твердых знаков).

„1825 год.. 29 мая в Св. горах был о девятой пятнице... и здесь имел щастие видеть Александру Сергеевича г-на Пушкина, которой некоторым образом удивил странною своею одеждною, а на прим. У него была надета на голове соломенная шляпа — в ситцевой красной рубашке, опоясовши голубою ленточкою с железною в руке тростию с предлинными чор. бакинбардами, которые более походят на бороду, так-же с предлинными ногтями с которыми он очищал шкорлупу в апельсинах и ел их с большим аппетитом я думаю около $\frac{1}{2}$, дюж.“ **).

Эта запись торговца, далекого от литературы, но уже слышавшего о поэте, безыскусственно и даже с некоторым удивлением рисует образ поэта. Для нас показательно переодевание Пушкина: ему необходимо было совсем слиться с толпой, чтобы непосредственно схватить весь дух ее.

Другой рассказ тоже очевидца, кучера поэта, Петра, еще сильнее подчеркивает это стремление его врезаться в самую гущу народной жизни и именно в толпу калик-переходящих, нищих и убогих.

*) Сужу по личному опыту: от посещения ярмарки-девятника в 90-х годах наиболее яркое впечатление остались эти толпы нищих.

**) „Город Опочка“ сост. Л. И. Софийским.

Поэт хаживал на ярмарку, „как есть, бывало, как дома: рубаха красная, не брит, не стрижен. Чудно так! Палка железная в руках. Придет в народ, тут гулянье, а он сядет на земль, соберет к себе нищих, слепцов, они ему песни поют, стихи сказывают. Так вот было раз, еще спервоначалу, приехал туда капитан-исправник на ярмарку. Ходит—смотрит: что за человек чудной в красной рубахе с нищими сидит? Посыпает старосту спросить: кто, мол, такой? А Александр-то Сергеич тоже на него смотрит, зло так, да и говорит эдак скоро (грубо так он всегда говорил): — Скажи капитану-исправнику, что он меня не боится, и я его не боюсь. А если надо ему меня знать, так я—Пушкин.

Капитан ничто взял, с тем и уехал. А Александр Сергеич бросил слепцам беленькую, да тоже домой пошел“. („Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1859 г., VIII).

Настоятель монастыря, игумен Иоанн, в своем „Описании Монастыря“ описывает этот факт несколько иначе. „В белой крестьянской рубахе, с красными ластовками, с таким же поясом и лентой через плечо, однажды Пушкин явился к главным воротам монастырским и стал петь с слепцами стихи о Лазаре убогом, об Алексии человеке божьем. Свою тростью с бубенцами он дирижировал хором. Естественно, что необыкновенное зрелище собрало массу народа, столпившегося вокруг и заслонившего выход из ворот на площадь. Исправник, прибавляет предание, не узнал в этом маскараде хорошо известного ему подиадзорного „коллежского секретаря“, отправил его под арест и только приставу удалось освободить его от гнева высшего начальства **).

Так оригинально „ходил в народ“ и впитывал в себя народность автор „Бориса“ от слепцов, юродивых и калик переходящих у стен Святогорского монастыря.

Еще один современник, старик Кунтузов, сообщает, что Пушкин любил поговорить с мужиками; „на ярмар-

*) „Пушкин“ изд. Брокгауза, т. VI „Св. горы“.

ках, в Св. горах сидет, бывало, на монастырском дворе на бревнах, около него народ собирается, а он сидит да беседует" *).

Вот что рассказали нам скромные монастырские ворота, около столбов которых „чудачил“ поэт. Он обессмертил это шаблонное монастырское сооружение, связав его со своею жизнью.

По письмам Пушкина за период работы над „Борисом“ видно, что вопрос о схимниках, юродивых и монахах очень интересовал его: он обращался за материалами не только к Жуковскому, но и к Вяземскому, Карамзину и другим. Процесс работы длительный и вдумчивый. И, конечно, нищие „девятинской ярмарки“ у ворот монастыря помогли творчеству поэта не меньше, чем материалы его друзей.

Юродивому, которому дано в трагедии всего несколько слов, он придавал большое значение и говорил о нем наравне с Борисом и Мариной, что видно из письма Вяземскому в октябре 1825 г.: „Поздравляю тебя, моя радость, с романтическою трагедией, в ней же первая персона—Борис Годунов. Трагедия моя кончена. Я перечел ее вслух один и был в ладони и кричал: ай-да Пушкин, ай-да сукин сын! Юродивый мой малый презабавной; Марина тебе понравится, ибо она полька и собою преизрядна“.

Показательно, что один из „бродяг в виде чернецов“ в сцене в корчме на Литовской границе звался Мисаилом, а документально известно, что в конце XVII века настоятелем монастыря был игумен Мисаил. Другой чернец, шумный гуляка Варлаам, тоже связан со Свято-Горским монастырем: в той же сцене ему дакы слова:

Наш Фома
Пьет до дна.
Выпьет—да повернит,
Да в донышко поколотит.

*) То же изд., т. IV „Пушкин и народная поэзия“.

По сообщению Вульфа (сын П. А. Осиповой из Тригорского), это была поговорка игумена монастыря пушкинских времен.

А Пушкин часто бывал в монастыре, где его хорошо принимали, как местного помещика, хотя и опального. По преданию, монастырское начальство отводило ему келью, которую поэт испещрял своими стихами по стенам, так что приходилось белить ее после его ухода.

Интересное сообщение дано покойным ныне настоятелем монастыря Иоанном в 1899 г.: в одно из посещений Пушкин заказал настоятелю отслужить панихиду „по рабе божией болярине Георгии“, как звали Байрона; в этот день была годовщина смерти английского поэта.

Мы кончаем свою беседу у ворот монастыря. То, что эта беседа проходила на том самом месте, где, может быть, стоял, прислонившись к стене и пел Лазаря вместе со слепцами поэт, придает ей совсем особый интерес, оживляет прошлое и, вместе с тем, в сильной степени помогает осознать и почувствовать „народное“ в творчестве Пушкина.

Воронич.

Теперь нам предстоит оторваться от этой части темы,—к ней вернемся в Тригорском и Михайловском,—и двинуться к „городищу Вороничу“, так определенно зафиксированному поэтом на титульном листе трагедии.

Из ворот монастыря мы шагом двинемся по улице влево и, дойдя до разделения ее на две, берем путь вправо, поднимаемся в гору мимо каланчи и больницы и этим путем выходим за селение на проселок, направляемся по нему вправо, перейдя железнодорожную линию. Далеко на горизонте с горки видны рощи: это Тригорское и Михайловское. Пройдя версты три, то поднимаясь на горки, то спускаясь с них, мы держим путь на маячущую впереди церковку. Это и есть теперешний погост Воронич.

Основание его относится к XIV веку: в 1349 г. это был уже центр волости. Для защиты границ от литовцев псковичи превратили Воронич в город и он стал самым крупным пригородом Псковской области, не раз в первой половине XV столетия отражавшим врагов.

В 1547 г. псковский летописец дает интересное сообщение о Грозном: „В лето 7055 князь великий Иван Васильевич да брат его князь Георгий быша в Новегороде; и во Пскове месяца декабря 28, в неделю, одну ночь ночевал, на другую ночь на Вороничи был, а третью ночь был у Пречистей в Печерах, паки во Пскове в среду, и быв немного и поеде к Москвы“.

Из последующих событий надо отметить 1581 г., когда Ст. Баторий, по пути в Псков, взял Воронич. Окрестности его поразили его сподвижников. Один из них, ксендз Пиотровский вел дневник. 8 августа 1581 г. он пишет: „Я выбрался из пустырей в лучшую и более плодородную страну и провел ночь в 5 верстах от Воронца: там обилие во всем, деревни, т.-е. села расположены густо, хотя нигде не видно ни одного человека; на полях большой урожай и много хлеба“.

Беспристрастный в данном случае историк рисует нам богатую страну. Ныне она далеко не кажется такою.

Нашествие литовцев в 1634 г. окончилось печально: „А Литва в то время Вороночь выжгли и в Воронце и под Островом посад выжгли и высекли также шкоты учиниша“.

О размерах населения говорят данные о его населении в XVI веке по сравнению с соседними городами: в Опочке было 180 черных дворов, в Острове — 204, в Гдове — 290, в Ворониче — 371.

От этого былого величия остался теперь только большой земляной вал, с трех сторон окруженный рвами, а с четвертой стороны — рекою Соротью. Высота вала по описанию 1789 г. от 13 до 15 саж., в окружности — 129 саж., внутри вала длина его 67 саж., ширина — 62 саж.

Осматриваем этот интересный памятник прошлого отмечаем разрушения его: оползни от дождей, огороды обывателей по склонам, скапывание их для дороги и т. п. и пытаемся хоть в общих чертах восстановить былой город.

Недалеко от Воронича, на берегу реки Сороти, между Михайловским и Тригорским есть еще остатки крепости. Это вал, похожий по форме на Вороничский, при деревне Савкина гора. Идем туда. На деревенском кладбище здесь имеется каменная надмогильная плита, видимо подножие креста, с высеченной грубой надписью: „Лета 7021 поставил сей крест Сава поп“ *). Предание говорит, что, согласно с легендой, это место было когда-то на окраине города, а на горе был монастырь. Пушкин особенно любил это место и мечтал: „Я выстроил бы здесь избушку, поместил бы свои книги и приезжал бы проводить несколько месяцев в кругу моих старых и добрых друзей“. (Письмо к П. А. Осиповой).

Народная же фантазия сказочно приукрашивает город: длиною он 7 верст и имел 77 церквей. Как город, он прекратил свое существование в 1708 г., превратившись сначала в пригород, а затем в маленький погост, теперь совсем захудалый.

Но народная фантазия хочет видеть его даже в былинные времена, а не только в исторические.

Давно-давно, — говорит легенда, — поселился в горе богатырь, могучий и славный. Целый год сидит он там в горе. И только раз в году, на пасху, между утреней и обедней, выводит на Сороть поить своего коня. Никто не может видеть ни богатыря, ни коня, а только все слышат, как по реке „большая хлясня (хлестня) идёт“ **).

Интересное и волнующее прошлое. Большой город — в масштабе того времени, — героически отстаивающий

*) Предполагают, что это крест на братской могиле защитников города, поставленный попом Саввой.

**) Лично записано мною от крестьянина-извозчика в 1896 г.

границы псковщины... Осыпающиеся и распахиваемые под огорода валы, хранящие тайны былого... Камни с говорящими о былых боях надписями... Легенды об исчезнувшем величии скромных теперь поселений...

Конечно, все это способно перенести художественную натуру, а особенно такую чуткую и всеобщемлющую, как у Пушкина, в давно забытые времена. И так понятно, что Пушкин здесь, в „городище Ворониче“, окруженный курганами, писал свою трагедию, сидя в тесной комнатке Михайловского.

Вот почти весь доступный нам материал исторического характера, который помогает уяснить некоторые стороны творчества поэта.

Он сам писал об источниках своей работы: „Я писал в строгом уединении, не смущаемый никаким чуждым влиянием. Шекспиру подражал я в его вольном и широком изображении характеров, в необыкновенном соизвестлении типов и простоте; Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий; в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени“.

Интересно, что поэт долго скрывал от друзей, даже от посетившего его в Михайловском Пущина, о своей работе над трагедией. Думается, что слова: „писал в строгом уединении, не смущаемый никаким чуждым влиянием“ обясняют это. Возможное возражение, замечание и т. п., могли разрушить то стройное, что создалось в его воображении под влиянием углубленной работы и гармонирующей с нею окружающей обстановки, пропитанной духом седой старины. Поэт точно боялся, что чужой человек неосторожно спугнет его образ.

Спускаемся с Вороничского вала, выходим на берег и любуемся на „светлой Сороти извины“. Влево начинается новый холм, отделенный от Вороничского узким ущельем. Это Городище. Идем по берегу Сороти мимо этого холма (он понадобится нам несколько позднее) и поднимаемся на третий холм.

Разгром Тригорского и Михайловского.

Перед нами на третьем холме Тригорское, направо в густом лесу Михайловское... А от них остались одни камни: все сожжено, разрушено, расхищено.

Проходим по пустырю к стоящей влево избушке: здесь, среди больших деревьев, на берегу небольшого пруда, развалины бывшего Тригорского дома.

Теперь нам предстоит трудная задача здесь, на развалинах старого дома связать жуткое современное, сначала как-будто непонятное, с историческим прошлым, художественно отраженным в трагедии.

Конечно, о Тригорском можно сказать, что тут уничтожено не Пушкинское, а дворянское. Ну, а Михайловское? Ведь это доподлинно Пушкинское, давно уже принадлежащее не помещику, а государству? Народный поэт, гордость России, гордость всего мира — и вдруг варварское уничтожение следов жизни этого гения!

В нашу работу опять врезывается „народное“. Мы уже знаем мотивы, которые заставили внести в первую тему вопрос о народном.

Лейт-мотив, пронизывающий трагедию, — это ложь в отношениях между царем и народом. Поэт вовсе не мыслил, что возможно при каких-либо условиях единение между ними, — и это чувствуется в его трагедии. Самому поэту это было настолько ясно, что на замечание в письме Жуковского, что царь за „Бориса“ простит его, поэт писал очень картинно Вяземскому: „Навряд, мой милый. Хотя она и в хорошем духе написана, да никак не мог упрятать всех своих ушей под колпак юродивого, торчат“.

Нет общения между народом и царизмом, каков бы он ни был: они всегда враги.

„Нет, милости не чувствует народ:
Твори добро — не скажет он спасибо“.
„Всегда народ к смятению тайно склонен“
„Так борзый конь грызет свои бразды“...
„Живая власть для черни ненавистна“...
„Лишь строгостью мы можем неусыпной
Сдержать народ“...

Даже умирая, царь Борис советует сыну только временно ослабить власть: „с временем и понемногу снова затягивай державные бразды“.

Пушкин дал в Борисе настоящего самодержца. Народ для него только „бессмысленная чернь“.

Она:

„Изменчива, мятежна, суеверна,
Легко пустой надежде предана,
Мгновенному внушению послушна,
Для истины глуха и равнодушна“.

Значительно позднее, другой, реальный самодержец „пустые надежды“ обозвал уже просто „бессмысленными мечтаниями“. Царизм сделал так, что народ стал равнодушен до потери политического сознания, пассивен до лицемерия: притворно плачет, „избирай“ Бориса, притворно его приветствует, слушает бояр и соглашается с ними и, хотя „в ужасе молчит“ при известии о смерти Годуновых, но сразу же затем кричит приветствие „Дмитрию Ивановичу“... (в первой, нецензурованной редакции „Бориса“).

Царизм превратил народ в раба, а защита раба — ложь. Царизм пожал, что сял.

Народ только терпит царя.

„Всегда, к тому ж, терпимость равнодушна“. Но за этим равнодушием, за этой молчаливой до времени, темной массой чувствуется страшная сила. В ней тонет воля отдельной личности, хотя бы и выдающейся. Эта страшная сила особенно чувствуется во все „смутные времена“ истории. И царизм это всегда сознавал и всегда в такие моменты обращался к народу, ища у него права именоваться „излюбленным, избранным всенародно“ и т. п.

Но „Конь иногда сбивает седока“...

Народ перестает быть равнодушным и начинает „действовать“. И как все стихийное, народ действует страшно...

Псковщина, живущая еще преданиями своего вечного прошлого, этого своеобразного республиканизма, конечно особенно чувствовала ложь между народом и царем с боярами, а потом и с помещиками — дворянами. Крепостное право было ему горше, чем другим, значительно раньше утратившим свою свободу.

Крепостное право в Тригорском чувствовалось тяжело даже и после крестьянской реформы.

Дочь П. А. Осиповой, М. И. Осипова, которой в пушкинское время было около 4—5 лет, оставила в своих делах интересную переписку, которая рисует очень враждебное отношение ее к освобождению крестьян. Целый ряд жалоб к властям осенью 1861 года на крестьян и потворствовавшего им мирового посредника... Крестьяне „дурно возили навоз, дурно пахали, что 4-я часть поля осталась непаханною, косцы стали косить траву по 5—7 человек на десятину, когда прежде косили по 4, рожь стали косить по 10 вместо 8, работники не слушают старост и управителей и ругают их, а выбранные сельские старшины не только не понуждают работников, но явно им потворствуют, а множество людей не выходят совсем на работу, две прачки (по ревизии крестьянки) в неделю не могли вымыть белье, половина сенохоса осталась некошенней, ржаное поле по 3-е число сентября неубранное, яровое поле тоже и ныне такое же“. Мировой посредник „тайно толковал о чем-то со старшинами, не передал дело полиции, не прекращал этих беспорядков экзекуционным порядком“. Он же стал исключать „из всегда существовавшей барщины тяглых работников более 30 человек“, утверждает, „что только взрослые обязаны работать своим господам, действия его... приводили все в больший и больший беспорядок хозяйство с. Тригорского... вследствие его внушений крестьянам... вынуждена просить о защите... об замещении его другим лицом, беспристрастным... и о введении должного порядка и повиновения в отчине“. Об акте освобождения М. И. Осипова писала так: „непроповедимому промыслу божию угодно было ныне по-

сетить испытанием сословие помещиков на общую пользу других сословий государства *)".

И теперь еще в окружных деревнях живы те крестьяне, которым во время „посещения испытанием сословий помещиков“ было 10—15 лет. Они на себе могли почувствовать лапу дворянки, заставляющей работать даже малолетних.

Документы архива Тригорского говорят и о другом хозяине имения, сыне Осиповой Вульфе. Они рисуют Вульфа—сельского хозяина и его отношение к реформе 1861 г...., на которую он смотрел со своей точки зрения, слишком ревниво отстаивая свои „права“ от посягательств принадлежавших ему „душ мужеска и женска пола“, в коих видел своих личных врагов. Вульф, из „Гетингенского студента с вольнолюбивыми мечтами, духом пылким и восторженною речью“... превратился с годами в хозяина-скопидома..., на первый план поставившего заботы о хозяйстве и о приращении своих доходов. И правда: приняв имение, после смерти матери, в очень запутанном положении, Вульф, ко времени своей смерти, привел его в блестящее состояние, не смотря на совершившуюся вскоре реформу и всеобщее „оскудение“... О Вульфе до сих пор сохранилась в крае память, как о „строгом барине“, никому не дававшем поблажки. А уж если мужичок назвал барина „строгим“, то это много значит.

И вот в 1918 году, когда немецкие войска стояли в 30—40 верстах от Пушкинских мест, в ночь с 18 на 19 февраля разгромлено было Тригорское **), а с 19 по 20-е и Михайловское. Грабили и жгли крестьяне, но руководили ими 2 лица с уголовным прошлым. Один из них особенно сильно убеждал крестьян громить, назы-

*) Модзальевский „Поездка в село Тригорское“, I т. „Пушкин и его современники“.

**) О разгроме Тригорского может сообщить очевидец события, б. лакей Вульфа, а теперь сторож усадьбы. В 1923 году мне деловито, спокойно, „добру и злу внимая равнодушно“ и очень кратко рассказал сын сторожа, мальчик 10—11 лет.

вая усадьбы „змеинными гнездами“, которые надо сжечь, а пепел развеять по ветру, чтобы их прежние обитатели больше не вернулись *).

Грабеж помещичьих усадеб—это типичное бытовое явление во все смутные времена народной жизни. Темнота народная и вечная ненависть к рабовладельцу-дворянину, как представителю царизма, в такие моменты особенно сильно выявляется.

Разгром окружающих имений совершился быстро, в несколько дней.

Страсти разгорелись. Разгромы стали угрожать уже наиболее „крепким“ крестьянам и Тоболенцу, центру волости. Собран был общий сход для решения вопроса: громить дальше или остановить. Разбились на две группы. „Засороцкая“ (за Соротью) партия требовала разгрома. „Таперица всем народны права: дяли все по ядакам“. Другая настаивала на прекращении разгромов. Спор чуть не окончился кровопролитной свалкой. Прияты были экстренные меры... Постановили: прекратить разгромы, а уличенных в этом лиц немедленно арестовывать и отправлять в тюрьму.

Никаких других задерживающих импульсов для прекращения варварских разрушений у крестьян не было.

Имя великого поэта ничего не говорило ни крестьянам-громилам, ни даже местным властям. Как Тригорское, так и Михайловское были для них обычными помещичьими гнездами, т.-е. „змеиними гнездами“.

Владельцы Тригорского не оставили о себе хорошей памяти в народе, как видно из вышеприведенных списков. Но и у других лиц, посещающих „уголки“ и усадьбу, сыгравшую такую роль в истории родной литературы, создавалось близкое к этому представление. Групповая экскурсия в 1896 г. не решилась даже и попытаться осмотреть усадьбу: таковы были отзывы о

*) Все подробности о погроме и много других сведений, мною получены от библиотекаря Пушкинской библиотеки в Тоболенце А. Г. Смирнова, которому приношу большую благодарность.

ее владельцах. В 1902 году литератору-пушкинисту Б. Модзалевскому, чтобы осмотреть библиотеку Тригорского, пришлось заранее списываться с владельцами имения, внуками Осиповой, прибегать к содействию земского начальника Карпова, „известного своими энергичными трудами... на юбилейных торжествах 1899 г.“, а потом в своей статье усиленно отшаркиваться перед „любезным, обязательным, гостеприимным, уважаемым“ деятелем. О просвещенной деятельности Карпова нам уже пришлось говорить (памятник „Нюсе“) и еще придется в Михайловском.

Все „Пушкинское“ в Тригорском принадлежало наследникам Осиповой и обозрение его зависело от владельцев. Эта часть Пушкина не принадлежала России. Здесь была библиотека книг времен поэта, о которых он упоминает в „Онегине“, портреты его современников, членов семьи Осиповых, например: Евпраксии Вульф (Татьяны), книги, подаренные поэтом и с его надписями, портрет поэта—карандашный, восхитительный по работе и сохранности и, несомненно, самый сходный с оригиналом, который прилично было бы хранить в Пушкинском музее“ (отзыв Б. Модзалевского).

Все это и многое другое из обстановки, связанное с Пушкиным, погибло безвозвратно: сгорело, поломано или растаскано по крестьянским дворам^{**}).

Михайловское с 1899 г. официально стало считаться „культурным уголком“ имени Пушкина. Что же оно говорило мужичкам?

По смерти поэта, с 1866 г. в нем поселился младший сын его, Григорий Александрович Пушкин (1835—1905 г.). В его отношениях к памяти отца было нечто неожиданное. Он не старался сохранить память об отце, сберечь вещи поэта, его обстановку и пр. Дом, в котором поэт провел „2 года незаметных“, был им переделан и пере-

^{*)} Найдены на складе милиции среди отобранных у крестьян вещей портрет Евпраксии Н. Вульф; где-то нашелся рояль Тригорского; все это хранится в Чушк. библиотеке Тоболенца.

строен, избушка няни заброшена. Григорий Александрович Пушкин даже не любил, чтобы при нем говорили о поэте^{**}).

Главным интересом его были хозяйство и особенно охота: своры собак в особых помещениях своим воем и лаем оглашали тихие берега Сороти, а лошади барина-охотника славились чуть ли не на весь уезд^{**}).

Крестьяне вспоминают о Гр. Ал. Пушкине, как о добром и простом барине—и только.

Можно определенно сказать, что Гр. А. Пушкин ничего не сделал, чтобы увековечить не только память отца, как человека, но и память поэта Пушкина.

В 1899 г. с. Михайловское было продано Псковскому дворянству. С этого момента как бы начиналась роль Михайловского, как „культурного уголка“, но фактически приступили к его организации только в 1907 году.

Решено было устроить в Михайловском колонию для престарелых литераторов. Но литераторы не хотели пользоваться милостями дворянства и не ехали в колонию^{***}). Дом, построенный Гр. А. Пушкиным, при переделке его в 1908 г. сгорел, и тогда был построен новый, представляющий копию, разрушенного сыном поэта старого дома. В нем устроили в 1911 году „музей Пушкина“. Пушкинского осталось очень немного: биллиард с 2 шарами и 2 киями, карета, несколько картин, маска поэта с сомнительной копией и гипсовый бюст поэта. Просвещенные дворяне меблировали дом мебелью с базара и работы местных кустарей и сделали из „музея Пушкина“ место приятных прогулок, веселого препровождения времени с дамами сердца, сытых обедов и чаепитий под звуки граммофона. Изdevательство над памятью

^{**) В 1923 г. об этом очень своеобразно, пытаясь подражать барину, рассказывал мне повар Гр. А-ча, проживший у него 30 лет, янык лесной сторож Михайловского парка.}

^{**)} От моего первого посещения Михайловского, когда мне было 15—16 лет, осталось яркое впечатление этого необычного воя собак, прорезывающего задумчивую тишину парка.

^{***)} Постепенно набралось в колонии 3—4 человека.

поэта дошло до того, что в музее был поставлен биллиард, выписанный из Пскова, чтобы святогорские купчики с коммерческими дворянами могли позабавиться на том месте, где жил и творил бессмертные произведения великий поэт. Биллиард же поэта в разобранном виде валялся в сарае, куда и направляли удивленных экскурсантов.

В области организации развлечений особенно много поработал последний просвещенный попечитель Михайловского, тот же земский начальник Карпов, о котором уже мы говорили.

Он построил на Михайловском свою карьеру: неоднократно приглашал псковскую аристократию, окружающую губернатора, его родственников, видных лиц правящего Петрограда и взбирался выше по чиновниччьей лестнице, получая ордена и благодарности. Он же и некоторые его предшественники оказались предприимчивы и на счет набивания своего кармана: у престарелых литераторов урывались продукты: мясо, масло, фрукты и т. п. и отправлялись к себе и к родственникам. Отправлялись туда же интересные книги и журналы *). Вот все, что было сделано для сохранения памяти поэта в Михайловском и для популяризации его творений среди населения.

Чем же было Михайловское для крестьян окружающих деревень? Если Тригорское было просто барским гнездом, то Михайловское — трактиром для бар и святогорских кулаков, устраивающих там кутежи и гуляния. Мужику вход туда был недоступен.

Что могли сказать пытающиеся остановить разгром села литераторы и учителя? Ведь это Пушкинское? Ведь это ваше, народное?

Но это только пустой звук для святогорских мужиков даже и в обычное время, а тем более в такой стихийный момент.

*) По этому вопросу имеется материал у В. В. Починковской-Тимофеевой.

Для святогорских крестьян Пушкин, как личность, умер давно и забыт, а Пушкин, как великий писатель, еще и не родился.

И конечно, никто не имеет права бросить в них камень за разгром и этого „змеиного гнезда“.

Этим мы заканчиваем первый день экскурсии, охватывающий, главным образом, первую тему: былое и народное. Но не заканчиваем ее совсем: в дальнейшем, придется еще коснуться этой темы.

Теперь же необходимо дать улечься полученным впечатлениям и отдохнуть. Пред нами Сороть, налево, на горе, в сотне саженей — Тригорское, направо, по берегу Сороти, вдали — Михайловские рощи. Если экскурсанты не очень устали, можно пройти с ними к Тригорскому и бросить взор на остатки дома, не углубляясь в парк. Осмотр парка — это будет вторая часть работы следующего дня *).

В Тригорском и Ворониче остановиться негде. В Михайловском же, в бывших домах литераторов, имеется несколько комнат, уцелевших от полного разгрома и возобновленных для жития: там имеются постели, посуда, самовар и пр.

Село Михайловское.

Двинемся на отдых в Михайловское к рощам по берегу Сороти или по дороге, все время держась при ее разветвлениях влево. Михайловские рощи занимают большое пространство (около 200 десятин), пересечены многими дорогами, очень густы, и часто случается, что экскурсанты проходят мимо села, не заметив его.

Так как на следующий день нам придется идти опять в Тригорское, то мы один раз пройдем по берегу Сороти, а другой раз по дорогам парка, и этим полнее охватим природу окрестностей и сделаем восприятия ее

*) Беседу о разгромах можно отнести к моменту осмотра остатков сожженного дома, если там будет решено закончить 1-й день экскурсии.

ярче. Наша первая прогулка будет уже к вечеру, а потому лучше идти по берегу, так как перед закатом солнца как раз слева от нас—Сороть, озеро и парк особенно красивы *).

Теперь мы отдыхаем, а потому никаких специальных бесед на тему не ведем.

Переночевав и основательно отдохнув в Михайловском, мы должны приняться за вторую тему: роль природы Михайловского и Тригорского в лирике поэта.

Но в эту тему естественно врезывается то гнетущее впечатление, которое создается видом разрушенного дома и др. построек, и вплетаются воспоминания о представительнице разрушителя-народа Арине Родионовне, няне Пушкина. Оба эти элемента теснейшим образом связаны с Михайловским: куча камней вместо дома и домик няни перед нами,—и вместе с тем они связаны с первой темой работы о „народном“ **).

Беседа в домике няни должна смягчить тяжелое впечатление от следов разгромов, показав „народное“ с совсем другой стороны.

Село Михайловское было родовым имением матери поэта: оно пожаловано вместе с другими деревнями царицей Елизаветой Петровной известному „арану П. В.“ Ибрагиму Петровичу Ганибалу, после которого перешло к его сыну Иосифу, погребенному вместе с женою рядом с могилой поэта, а от него его матери Надежде Осиповне.

Для познания прошлого Михайловского необходимым является написанное поэтом в 1819 г. ст. „Домовому“, где имеется интересное описание усадьбы.

Вот это стихотворение:

*) По берегу Сороти мы попадем и на Савкину гору.

**) Хотя беседы о Триг. и Мих. органически связаны между собою и потому нежелательно их отрывать от работы первого дня, все-таки от усмотрения руководителя экскурсии, учитывающего обстановку и настроения, зависит разбить их на две, проведя одну в Тригорском, а другую в Михайловском.

Домовому.

Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес и дикий садик мой
И скромную семью моей обитель!
Да не вредят полям опасный хлад дождей
И ветра позднего осенние набеги;
Да впору благотворны снеги
Покроют влажный тук полей!
Останься тайный страж в наследственной сени,
Постиги робостью полуночного вора
И ют недружеского взора
Счастливый домик охраня!
Ходи вокруг него заботливым дозором,
Люби мой малый сад и берег сонных вод
И сей укромный огород
С юлиткой веткою, с обрушенным забором!
Люби зеленый скат холмов,
Луга, измятые моей бродящей ленью,
Прохладу лип и кленов шумный кров:
Они знакомы вдохновенью.

А вот описание усадьбы из стихотворения приятеля Пушкина, поэта Языкова:

Там, где на дол с горы отлогой
Разнообразно сходит бор,
Ввиду реки и двух озер
И нив извилистой дорогой,
. . . древним садом окружен,
Господский дом уединенный
Дряхлеет,—памятник почтенный
Елизаветинских времен.

Вон там—обоями худыми
Где-где прикрытая стена,
Пол нечинеянный, два окна
И дверь стеклянная меж ними,
Диван под образом в углу,
Да пара стульев...

Имеется описание дома и усадьбы, сделанное в 1837-38 годах: „деревянный, одноэтажный, уже в то время обветшалый, по бокам его службы, перед домом, с южной стороны небольшой садик, с другой—извилистая Сороть“.

Сын поэта сильно изменил усадьбу, построив новый дом и службы, насадив, по желанию жены, аллеи и куртины на английский лад, оградив ее частоколами и решетками.

Просвещенные деятели из дворян, со своей стороны, еще более поусердствовали. *)

Село Михайловское в Пушкинское время.

Но современность многое из этих затей уничтожила и приблизила вид усадьбы к Пушкинским временам.

На месте дома груда камней, заросших лопухами и крапивой. Широкая лестница к реке развалилась и заросла кустами, закрывающими вид на реку и озеро. В правой стороне, если смотреть на реку, не то амбар, не то беседка старо-дворянского типа. Слева подчищенный маленький „домик няни“, а назади два полуразрушен-

*) Судя по описанию Гаррис „Уголок Пушкина“.

ных домика литераторов. Посреди этого четырехугольника огромный широковетвистый вяз, привезенный уже большими деревом из соседнего имения Петровского, по желанию жены Гр. Ал. Пушкина, *) и около него осевшие и заросшие травой клумбы.

Нас привлекает „домик няни“. Это единственное, что теперь осталось от Пушкинских времен. Но ныне он

Домик няни (в наше время).

подправлен, подчищен, заботливо оберегается. В 90-х годах, когда здесь жил сын поэта, он был совершенно заброшен. Вот его описание в то время: „Недалеко от жилого помещичьего дома мы заметили в густой чаще жасмина и сирени небольшой деревянный домик, который наши ребята приняли было вначале за исторический домик (где жил поэт). Домик состоял из 2-х крохотных

*) Сообщено бывшим поваром Г. А. Пушкина.

комнат с кухней и передней, мебели вовсе нет, стены с облупившейся штукатуркой, на полу кучи мусора. Садовник говорит, что этот домик служил помещением для приезжающих к поэту гостей". *)

Здесь, по преданию, жила няня Арина Родионовна, „дряхлая голубка“, „подруга дней суровых“ опального поэта. О ней он писал в декабре 1824 г. Княжевичу: „вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; она единственная моя подруга и с нею только мне не скучно“.

Арина Родионовна.

Арина Р. играла огромную роль в жизни поэта. Она заменила поэту мать. У поэта было безрадостное детство. И мать и отец его любили свет и были равнодушны к хозяйству и семье. Отец был беспечным прожигателем жизни, мать унаследовала от своего отца Осипа Ганибала необузданый нрав, вспыльчивость, порывистость и не отличалась добрым сердцем.

Единственной отрадой поэта была бабушка Мария Ал. Ганибал, которая внесла ласку в его детскую жизнь, и старушка няня. Эти две русские чуткие и добрые женщины выпестовали душу поэта, сберегли его от озлобления и мрачности. Может быть, под их влиянием создались основные свойства души поэта — простота и ясность.

Характерно, что у Пушкина, „гения все любившего, все в самом себе вместившего“, вовсе нет отражения личного сыновнего чувства, любви ребенка к матери.

Няня „научила его уважать русскую женщину, первая ввела его в тот мир, где он нашел Татьяну и Машу Миронову и связала его сердце с народной душой“ **).

Для нашей темы особенно ценна эта последняя роль крестьянки-няни. Пушкин Михайловского периода осо-

*) Запись из моего дневника в 1896 г. Характерно, что нашу экскурсию в дом не впустили, м. б. и потому, что владельца не было дома.

**) Лернер „Заметки о Пушкине“.

бенно народен по складу, по формам образов, по оборотам речи. И это в значительной мере объясняется тем что он жил в это время в уединении, которое с ним разделяла няня, как видно из выше цитированного письма Княжевичу.

„Слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания (письмо брату 1824 г.)

„Живу недорослем, валяясь на лежанке и слушаю старые сказки да песни“.

Она была вся пропитана поэзией деревни: знала много пословиц, поговорок умела сказывать сказки. От няни записаны: „О поле и работнике его Балде“, „О царе Беренде“, часть сказки о „Мертвой царевне“, о „Кащее бессмертном“, знаменитое „У лукоморья“ есть переделка присказки к сказке няни.

Ар. Род., крестьянка при-петерской деревни Ганиболов, была простая женщина, отчасти наивная, суеверная, но одаренная большим здравым смыслом.

Осиповы так описывают ее: „старушка чрезвычайно почтенная, лицом полная, вся седая“.

Она горячо любила своего питомца поэта и всю семью Пушкиных: когда в 1799 г. она получила от господ вольную на себя и на 4-х детей, то не захотела пользоваться ею и осталась в их семье. У них она выняничила сестру поэта, его самого и брата и умерла в 1829 г. С детства поэт любил свою нянюшку, звал ее „матушкой“, „мамой“ и оставил целый ряд произведений, в которых или упомянул про нее или ее опоэтизовал. Таковы: „Сон“ (1816 г.), „Наперсница волшебной старины“ (1821 г.), „Зимний вечер“ (1825 г.), „Подруга дней“ (1827 г.), „Вновь я посетил“ (1835 г.), в IV г. „Евг. Онегина“. Он слушал ее рассказы и песни и платил ей своими стихами:

„Я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей“.

Няня для поэта не была только пестуньей, нежно взростившей его: в ней он нашел истинно национальный тип, который исчерпал целиком, до дна.

Няня же оказалась для него преданным другом и в Михайловском. Он был выслан сюда в 1824 году за выраженные в перехваченном письме мысли об атеизме. Если к первой своей ссылке на юг в 1820 г. он отнесся довольно легко, то вторая истомила и ожесточила его. Семья, куда он попал в изгнании, не смогла его успокоить. Вместо сочувствия и поддержки он встретил со стороны родных негодование, укоризны, попреки, слова „бунтовщик“ и „дармоед“. Создалась мучительно душная атмосфера, особенно после того, как отец тайно взял на себя обязанность „следить“ за сыном. Измученный поэт писал Жуковскому отчаянное письмо: „Спаси меня хоть крепостью, хоть Соловецким монастырем“, а губернатору Адеркасу — прошение о переводе его в крепость.

Не без вмешательства Жуковского удалось сделать так, что отец с семьей в ноябре 1824 г. уехал из Михайловского. Поэт остался со своей подругой няней. Она да многочисленная семья Тригорских соседей Осиповых составляли все общество поэта.

И мало-по-малу, мир сошел на душу поэта.

Необходимо отметить, что пребывание в Мих., когда поэту исполнилось 25 лет, когда самые бурные, тревожные годы его были уже за спиной, когда после шалостей и безумств Кавказской, Бессарабской и Одесской жизни, внутренний мир поэта стал приходить в равновесие, — это пребывание было началом эпохи его зрелости — человеческой и творческой.

И слова о тишине, спокойствии, труде так часто стали мелькать в его стихах и письмах. Сама природа Михайловского и Тригорского, не дерзкая, жгучая природа юга, а скромная, мирная, задумчивая природа русского севера особенно способствовала этому отстаиванию бурно-волновавшихся элементов его личности,

Результатом такого умиротворения души поэта явилось большое количество созданных им художественных произведений. Блестящие по форме и спокойные по духу стихи Михайловского периода вытекают из чисто личных его настроений. Таковы любовные: „Признание“, „Сожженное письмо“, „Желанье славы“, „к А. П. Керн“, отражающие грусть и надежды одиночества: „Зимний вечер“, „19 октября“; бодрость духа: „Если жизнь тебя обманет“, „Вакхическая песнь“ и др. Так же спокойны и выдержаны „Борис Годунов“ и главы „Онегина“, написанные точно Пименом 19-го века.

И, несомненно, в этой светлости и ясности творчества поэта много повинна простая старуха-крестьянка, нянюшка поэта, и совсем не повинны его просвещенные родители.

Здесь „народное“ показало лучшие свои стороны.

Отмечаем и тот интересный факт, что от крестьянского погрома в Михайловском уцелел домик няни, как уцелела и ее могила в памяти народной.

Поэт Языков, гостивший у поэта в Михайловском, пишет об Арине Родионовне.

Ты занимала нас, добра и весела,
Про старых бар пленительный рассказом;
Мы удивлялись почтенным их проказам,
Мы верили тебе — и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал;
Свободно говорил язык слово-охотной,
И легкие часы летели бесзаботно.

Арина Родионовна связывала поэта с народной жизнью и была ближайшим для него „объектом для наблюдения и изучения народности“. Через нее же в значительной степени у поэта речь стала во второй половине 20-х годов более простой, чистой и народной. Он не раз отмечал у себя плохой язык. „Прозой я пишу гораздо не-правильнее, а говорю еще хуже“.

Поэт очень ценил народный русский язык. „Я не люблю в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и

простота более ему пристали". „Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка". „Не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням: они говорят удивительно чистым и правильным языком". „Разговорный язык простого народа... достоин глубочайших исследований".

Относясь так вдумчиво к простонародному языку, Пушкин всегда старался вносить в свои произведения слова, поговорки, обороты речи, взятые у народа.

Арина Родионовна в этих случаях была для него живой энциклопедией настоящего народного языка.

Арину Родионовну мы находим в няне Татьяны и Ольги, в княгининой мамке („Русалка“), отчасти в Ласточеке („Арап П. В.“), в няне молодого Дубровского: в 3-й главе есть письмо няни к Дубровскому, где слова, „а в животе и смерти бог волен, приезжай ты к нам, соколик мой ясный, мы тебе и лошадей вышлем на Песочное... Твоя нянька Арина Егоровна“, несомненно, взяты из письма няни Пушкина к нему: „приезжай, мой ангел, к нам в Михайловское—всех лошадей на дорогу выставлю. Я вас буду ожидать и молить бога, чтобы он дал нам свидеться... Остаюсь вас многолюбящая няня ваша Арина Родионовна“.

Беседой о няне мы заканчиваем осмотр „домика“. Больше в Михайловском нет ничего, чтобы могло свою наглядностью служить трамплином, от которого оттолкнулась бы наша мысль для работы по теме „былое и народное“. Осталась одна природа—и мы переходим к работе над второй темой.

Природа Михайловского и Тригорского.

Работа по этой теме пойдет почти совсем без участия руководителя. Будут говорить природа-мать и сам поэт. Лучше них закрепить в словах то, что переживут экскурсанты, тесно сливвшись с природой, никто не сможет,—это будет коллективное восприятие природы.

Руководителю в период подготовки к экскурсии необходимо подобрать из произведений, отражающих жизнь поэта в Михайловском, те, которые являются более ценными со стороны художественной, более доступными для чтения в обстановке природы и для которых природа села дает хорошую иллюстрацию.

В самой работе во время экскурсии требуется известный эмоциональный подъем и в общем она представляется в виде трех моментов.

1-й момент: молчаливое созерцание в течение 5—6 минут. Не нужно торопиться его прервать.

2-й момент: высказывание желающими своих впечатлений, передача тех настроений, какие вызвала у них та или иная картина природы. В этом высказывании будет очень много весьма субъективного, может быть оригинального, что особенно интересно и ценно.

3-й момент: чтение стихотворений поэта, как художественного синтеза, хотя и необязательного для всех созерцающих. Природа дотронулась до чуткой клавиши души созерцающего и инструмент его зазвучал, окрасив звук всеми особенностями его духовного существа.

Конечно, мы не думаем, как Сальери, „проверять алгебраической гармонией“ природы, разбив процесс предстоящей работы на три момента. Нужна большая осторожность и чуткость в такой созерцательной работе. Нельзя спугивать настроение; требовать от всех обязательного и подробного высказывания (для многих, глубоко воспринимающих природу, это не всегда возможно); нельзя поражаться неожиданными субъективными настроениями или мыслями, нельзя требовать согласия с впечатлениями поэта, обязательного чтения его стихов (могут прийти на память созвучные стихи другого поэта), или вообще, на память созвучные стихи другого поэта). Чем свободнее и непосредственнее будет воспринята природа, тем лучше. Чуткость и тактичность руководителя здесь необходимы. Но по окончании работы, когда все красивые и интересные места будут осмотрены, следует подвести итоги, базируясь в главных чертах на произведениях поэта.

Пушкин был великий учитель красоты. И прежде всего он научил находить красоту в простоте.

В XVI строфе „Странствия Онегина“ он говорит:

Иные нужны нам картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи,—
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балалайка,
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.

В разных произведениях он дает целый ряд ценнейших указаний для нашей цели подтверждения результатов этой созерцательной работы.

„Мир и сон тригорских нив“
„В глухи звучнее голос лирный,
Живее творческие сны“.
„В уединении мой спокойный гений
Познал и тихий труд и жажду размышлений“.
„Служенье муз не терпит суеты“
„Прекрасное должно быть величаво“.
„Уединение мое совершенно, праздность торжественна“.
„Приветствуя тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, труда и вдохновенья“.

Перелистив томы Пушкина, можно найти много подобных прекрасных выражений.

Где проделать эту заключительную часть работы, возможно окончательно выяснить в процессе ее, в зависимости от настроения экскурсантов и др. обстоятельств. Во всяком случае, не помешает хоть немного побеседовать после обхода Михайловских рощ, а в Тригорском закончить беседу.

Начинаем новую часть работы от ступеней крыльца домика няни, где мы только что беседовали. Отходим к берегу Сороти и здесь, со ступенек разваливающейся деревянной лестницы, любуемся видом на реку и озеро.

Можно пройти на высокую часть берега за домиком няни: оттуда открывается прекрасный вид на другую часть реки. Здесь необходима 1-я часть стихотворения „Опять на родине“.

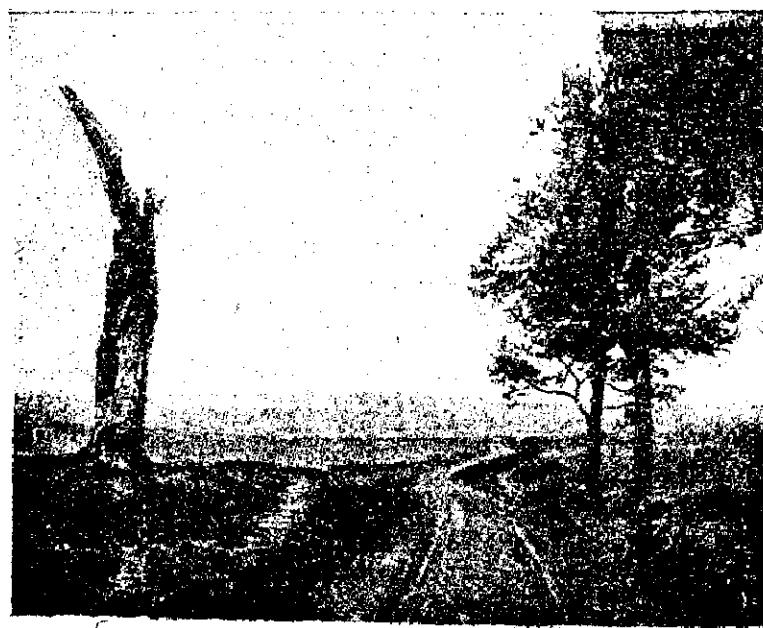
Затем, бросаем прощальный взор на всю усадьбу и идем туда, где, как пишет поэт в „Странствии Онегина“,

И берег Сороти отлогий,
И полосатые холмы,
И в роще скрытые дороги,
И дом, где пировали мы,—
Приют, сияньем муз одетый,
Младым Языковым воспетый,
Когда из капища наук
Явился он в наш сельский круг
И воды Сороти прославил,
И огласил поля кругом
Очаровательным стихом.
Но там и я мой след оставил
И ветру в дар, на темну ель
Повесил звонкую свирель.

Выходим мимо дома литераторов чрез шаблонно-резные ворота, так не гармонирующие с окружающей обстановкой, в густую аллею, где поэт „на темну ель повесил звонкую свирель“. Эта аллея одна из достопримечательностей „уголка“: она современница поэта и удивляет своею густотой и мрачностью. Рядом с нею не менее старая липовая аллея, где раньше был подъезд к дому. Поворачиваем вправо и идем к Тригорскому.. Скоро нас охватывает мир природы и мы быстро отрешаемся от суетолоки повседневной жизни. Ясная, величавая в своей простоте природа завладевает нами. Переходим от леса к берегам Сороти, от нежной голубой ясности долины к мягкому сумраку вековых деревьев и вливаем аромат поэзии Пушкина.

Обычно экскурсанты ищут знаменитых трех сосен. От них не осталось даже и пней. Об исчезновении их существует несколько преданий. Одно из них говорит, что долго стояли сосны, привлекая внимание посещающих „уголок“. А так как они росли „на границе владений дедовских“, то у сына поэта Гр. А. вышел спор с

соседом,—кому же принадлежат сосны: каждому хотелось их иметь на своей земле. Видя, что правда на стороне Пушкина, сосед поджег их и сосны погибли. Другая легенда обясняет, что сосны сожжены пастухами, разводившими костер под ними. Третья легенда вмешала в историю сосен народ. Мужички очень интересовались, почему это „господа“ всегда спрашивали про три сосны, и решили, что под ними есть клад.

Остаток одной из трех сосен.

И несколько смельчаков решились добыть его. Копали, копали, подкопали под сосновыми ямы: клада не нашли, а сосны упали.

Имеется легендарный рассказ про обрубок одной из сосен, который хранился некоторое время в домике няни после того, как во время пожара главного дома его спас с опасностью для жизни большой поклонник поэта, сосед по имени, помещик Княжевич.

Имеется фотография одной из сосен приблизительно от времени начала 80-х годов.

Художником В. Максимовым написана картина „Пушкин у Михайловских сосен“, но нет оснований полагать, что это точное изображение знаменитых сосен. Скорее это фантазия художника, так как уже в 80-х годах о соснах имелись только воспоминания *). Не исполнилось предсказание поэта: не пришло „младому незнакомому племени“ перерасти его знакомцев и заслонить „старую главу их от глаз прохожего“.

Рощи Михайловского кончаются. Мы выходим на берег Сороти: впереди Тригорское, влево от дороги Воронич и Городище. У опушки леса можно устроить маленький отдых и беседу о впечатлениях.

Дальше проходим мимо Воронича и поднимаемся по крутыму склону на соседний, отделенный от него рвом холм—это логост Городище. На заброшенном кладбище находим, у разрушенной церкви, могилы Прасковьи Александровны Осиповой (1781—1859) и ее мужа. П. А. Осипова принимала видное участие в жизни поэта и, по мнению некоторых исследователей, отношения их были более близки, чем они бывают между добрыми знакомыми **).

Старый могильный камень не смог скрыть общую тайну двух жизней.

Совсем особое чувство испытываешь на этих могилах.

Минувшее проходит предо мною...
Давно ль оно неслось событий полно,—
Теперь оно безмолвно и спокойно...
Немного слов доходит до меня...
А прочее погибл безвозвратно...

Вопрос о роли П. А. Осиповой, ея дочерей, их друзей и села Тригорского — это могло бы быть темой отдельной экскурсии, но „все погибло безвозвратно“.

*) В. Максимов писал в „уголках“ в 1898 году.

**) Губер: „Донжуанский список Пушкина“.

От Тригорского для нашей работы ничего не осталось, кроме природы. А в пушкинское время здесь кипела жизнь. Пр. А. Осипова, по первому мужу Вульф, жила здесь с детьми от первого брака: Алексеем, Анной и Евпраксией, и от второго — Екатериной и Марией. Часто приезжали сюда А. И. Осипова и Ан. П. Керн, родственницы и соседки Осиповой. Это „женское царство“ мало-по-малу привлекло к себе поэта, и он скоро стал любимым и желанным гостем их и увековечил почти всех в своих произведениях. Евпраксия послужила оригиналом для создания образа Татьяны, Анна — Ольги. На одной книжке библиотеки Тригорского имелась надпись рукой Пушкина: „Евпр. Ник. Вульф. А. Пушкин: Твоя от твоих. 22 февраля 1828 г.“ Подтверждается это еще и тем, что по православному календарю Татьяна и Евпраксия чествуются в один день, 12 января. Ей же посвящены стихотворения: „Если жизнь тебя обманет“, „Вот, Зина, вам совет“.

Брат их Алексей сам свидетельствует: „Я дерптский студент, явился в виде Гетингентского, под названием Ленский“. Впоследствии он так энергично воевал с мужиками, как мы уже отмечали. Его могила там же, на Городищенском кладбище.

А. П. Керн посвящен один из самых блестящих перлов пушкинской музы, стихотворение „Я помню чудное мгновенье“, вдохновившее композитора Глинку создать на его текст прекрасный роман.

П. А. Осиповой — стихотворения: „Быть может уж недолго мне“, „Последние цветы“, переписанные в альбоме Осиповой с записью А. Вульфа: „Стихи, написанные по случаю в позднюю осень присланных цветов. 16 окт. 1825 г.“

Мы уже отмечали ту роль, какую сыграла семья владельцев Тригорского в деле успокоения измученного семейными неурядицами поэта после отъезда его родителей.

Поэт очень ценил их внимание к себе и отплатил им целой строфой в „Странствиях Онегина“.

О, где б судьба ни назначила
Мне безыменный уголок,
Где б ни был я, куда б ни мчала
Она смиренный мой членок,
Где поздний мир мне б ни сулила,
Где б ни ждала меня могила,—
Везде, везде, в душе моей
Благословлю моих друзей.
Нет, нет! Нигде не позабуду
Их милых, ласковых речей.
Вдали, один, среди людей
Воображать я вечно буду
Вас, тени прибережных ив,
Вас, мир и сон тригорских ив.

(Странствие Онегина).

Кроме того он отразил многое из жизни Тригорского в „Онегине“.

Тригорское бережно хранило все то, что было связано с жизнью поэта, гораздо бережнее, чем это было при сыне поэта и при просвещенных попечителях в Михайловском. Там была комната поэта, окно, через которое он, вместо двери, пробирался в свою комнату, его рабочий и ночной столик и др. мебель, портреты, картины и т. п. Все это составляло отдельный „пушкинский уголок“ в гостиной.

Нельзя без волнения пройти мимо камней фундамента дома Тригорского.

Хотя, конечно, все находящееся сейчас перед нашими глазами, мало говорит нам о Пушкине, мы даем эти краткие сведения о бывших обитателях разрушенного поместья, так как могилы большинства их тут же, в „уголках“, на кладбищах Воронича, Городища и Св. Гор. От усмотрения руководителя зависит, беседовать на эту тему или нет.

Хотя первый обзор развалин мы сделали в первый день экскурсии, а теперь только попутно зашли туда, все-таки этот кусочек экскурсии, отданной природе, как бы нарушает ее планомерность, врываясь в эмоциональную работу другого порядка.

Но с этим явлением приходится считаться и относиться к нему так, как мы относимся ко всякому стихийному вторжению в нашу работу: грозе, дождю, неожиданному разливу реки и т. п.

Теперь нам надо осмотреть парк Тригорского, для чего приходится взять провожатого - мальчика из семьи

В Тригорском: „диван Онегина“.

сторожа, чтобы не путаться по дорожкам. Поворачиваем от развалин дома к веселой Сороти и идем к тому месту, которое зовется „диван Онегина“. Это была когда-то простая деревянная скамья, немного напоминающая те диваны, которые так характерны для мебели начала прошлого столетия. От „дивана Онегина“ остался только маленький столбик.

Отсюда открывается великолепный вид на Сороть и ее заливные луга, на холмы справа и слева и Михайловский парк.

И здесь опять, как на могиле Пушкина, захватывает тишина. Хочется сидеть долго и думать. Как-то особенно сливаешься с природой. И хочется быть одному, как и на могиле поэта.

Молчанье здесь — лучшее средство, чтобы охватить всю полноту и прелесть пушкинской природы. Учитывая это, можно рекомендовать экскурсантам разойтись друг от друга по высокому берегу Сороти, расположиться по опушке парка и „уединиться“ таким образом от других на 5—10 минут, чтобы потом сойтись вместе и поделиться своими впечатлениями. Может быть, представится возможность проанализировать впечатления и выяснить, чем создано известное настроение: водою, небом, землею, красками, формами, гармонией, ароматами, тишиной и т. п.

От „дивана Онегина“ идем, держась берега Сороти, к „бане Пушкина“. От нее осталось только плоское место, заросшее травой. Здесь, по преданию, часто летом останавливался Пушкин и частенько он и Ленский-Вульф устраивали тут, подальше от хозяев, свои пирушки.

Отсюда идем к „ели-шатру“, гигантскому дереву, низко, до земли опустившему свои ветви, образуя этим гигантский и темный шатер. Говорят, поэт очень любил это двухсотлетнее чудо природы, стоящее посреди полянки парка.

Дальше можно увидеть „балльную залу“ для танцев, теперь заросшую травой, где тригорская молодежь устраивала под игру бродячих музыкантов летние вечера, „Солнечные часы“, представляющие круг из 12 деревьев; остатки „березы-седла“, на которой любил сидеть поэт и в расщелину которой опустил когда-то монету. Уже на конце парка, немного в стороне от него, на небольшом холме растет, будто бы посаженный поэтом, „дуб-лукоморье“, связанный с прологом „Руслана“.

Эта часть нашей экскурсии принимает нежелательный характер туризма, ищащего „замечательных“ мест. Но

нельзя их не осмотреть. Так сделаем это разом и поскорее, чтобы не ускользала от нас природа Тригорского, а потом отдадимся опять созерцанию природы. Разбредемся по парку, кому куда хочется, ориентируясь на Сороть. Эта маленькая река, с простором ее долины тянет к себе. Сходимся к „дивану Онегина“. И здесь удобнее всего будет закончить работу по второй теме, пользуясь художественным синтезом поэта...

Здесь же мы устраиваем отдых, так как нам предстоит пройти до монастыря верст пять.

Обратный путь можно совершить или по старому пути через Воронич полями, или через Михайловские рощи, держась, если не думаем еще раз зайти туда, правых дорог, которые через 1—2 деревни ведут в Тоболенец.

Красивые лесные дороги второго пути, конечно, интереснее и связаны со второй темой нашей экскурсии.

Спускаемся с Тригорского холма, проходим мимо Городища с могилами Осиповых.

Дойдя до Воронича, поднимемся на высокую точку его вала и еще раз полюбуемся окружающими видами и тихим простором окрестностей. Зайдем на небольшое, но очень интересное кладбище при Воронической церкви: здесь есть могилы Ганибалов, дальних родственников поэта.

Спускаемся и идем в Михайловские рощи по большой проселочной дороге. Пройдя версты 3—4, выходим на высокие холмы, с вершины которых открывается прекрасный вид на монастырь. Спускаемся с крутого холма по той дороге, которую видели с колокольни, и заходим на Тимофееву гору, где на кладбище погребена М. Н. Осипова, владелица Тригорского во время освобождения крестьян, столь неприязненно принявшая этот акт.

Мы вообще рассматриваем кладбища, как характерные уголки деревенской природы, охраняемые населением. И в этом смысле кладбища Воронича и Тимофеевой Горы представляют два типа кладбищ: первое — светлое, ясное, открытое, а второе — глухое, темное, мрачное.

Библиотека имени поэта.

Теперь нам предстоит посетить библиотеку поэта, находящуюся в маленьком домике у ворот монастыря. Она открыта в 1896 году по инициативе населения Тоболенца, при чем средства на это дело были взяты из „кабацких“ денег. Как и везде, монастырь притягивал к себе кабаки: в маленьком Тоболенце их было одиннадцать. В домонопольное время за право торговли в кабаках владельцы их платили крестьянским обществам известные суммы: кабаки сдавались с торгов. При введении винной монополии в кассе общества оказалась некоторая сумма таких денег, каковые и должны были поступить в руки крестьян, членов сельских обществ. По разверстке оказалось, что на двор придется около 3 рублей. Сумма ничтожная, да и получить ее было можно только через руки земского начальника, а это значит — в лучшем случае получить часть, а то и вовсе не получить.

Местная интеллигенция натолкнула крестьян устроить на эти деньги библиотеку имени поэта и богадельню, на что мужики охотно согласились. Ко дню 100-летия со дня рождения поэта эти учреждения уже работали. Кое-кто из властей, посетивших в то время Св. Горы, обратил внимание на библиотеку. Академия Наук и разные издательства прислали книги для ее пополнения. Юбилейные торжества и частные пожертвования дали некоторый денежный фонд (около 23 тысяч рублей), проценты с которого и поддерживали библиотеку и богадельню. С закрытием юбилейного фонда после революции богадельня совсем ликвидировалась, т. к. с 1922 г. отдел Социального обеспечения отказался содержать призреваемых, а библиотека перешла в ведение местного исполкома, а затем уездного отделения народного образования.

В настоящее время, вследствие отсутствия средств, она влечет жалкое существование. За военное время много книг пропало, так как они были увезены разными временно проживающими лицами и проходящими воин-

скими частями, значительная часть пришла в ветхость, многие совершенно испорчены. Пополнения не получаются, газет не имеется уже 2 года (данные, полученные в 1923 году), что сильно отражается на читателе и посещаемости. Академия Наук отпускает довольно большое количество книг, но нет средств поехать за ними в Ленинград. Как это ни странно, но нет даже полного собрания сочинений поэта и почти совсем нет литературы о нем. Но несмотря на такую бедность популярность библиотеки растет: вот говорящие об этом цифры: в 1919 г. было выдано около 5000 книг, посетило читальную 4000 челов., в 1922 году книг было выдано уже 13.000, а посетило читальную 12.000 человек.

В данное время естественно образовался при библиотеке маленький музей Пушкинских вещей: здесь хранится портрет Евпр. Ник. („Татьяны“) Вульф, рояль Тригорского, бюсты и портреты поэта, венки от юбилея 1899 г. и др. вещи. Но в общем библиотека дает впечатление заброшенности и, конечно, совсем несоответствует тому великому имени, которое ей присвоено.

Экскурсия наша закончилась. Мы идем на могилу поэта: это наше прощальное посещение.

Два дня мы находились в атмосфере его идей, переносились в то былое, которое захватывало его, вдыхали ароматы его природы, чуть-чуть заглянули в лабораторию его творчества... Все это дало нам возможность особенно осязательно почувствовать в нем не только великого поэта, но и человека, с которым мы провели эти дни... И безмолвная могила его стала нам роднее и дороже. У этой могилы мы начали экскурсию, ее же и заканчиваем.

Мы постарались подобрать все крохи и обломки, какие остались нашему бурному времени от тихих прежних „Пушкинских уголков“, втянув их в работу по нашим темам. Темы эти переплелись друг с другом, в них врезалась живая современность,—и мы не обходили и не чурались ее, а старались, как могли, связать с нашей работой.

Ф. А. Васильев-Ушаков.

Дополнительные сведения *).

Постановлением Совнаркома (от 17 марта 1922 г.) с. Михайловское и Тригорское признаны заповедной усадьбой под названием „Государственный заповедник „Пушкинский уголок“ и переданы Наркомпросу по Главмузею.

В связи с празднованием 125-летнего юбилея рождения поэта, в Св. Горах с 1-го июня организована экскурс-база для приема экскурсантов при школе II ступени имени А. С. Пушкина, находящейся в монастыре. Она рассчитана на 30 человек и дает за 1 рубль в течение 3 дней полное содержание (кроме простынь, подушек и одеял). Это главная база. В селе Михайловском есть небольшая подсобная база без содержания, приблизительно на 10 человек. Во избежание неудобств, необходимо приблизительно за 2 недели сообщить количество экскурсантов и время предполагаемого выезда, адресуя на имя заведующего заповедником „Пушкинский уголок“, Василия Митрофановича Никифоровского в Свят. Горы, Псковской губ.

Проезжающим через Псков можно иметь там остановку в экскурс-базе, в помещении Мирожского монастыря.

Для едущих из Москвы рекомендуется следующий удобный маршрут: выезд на Псков через Бологое почтовым поездом в $3\frac{1}{2}$ часа дня в субботу; в воскресенье вечером—Псков, остановка в Мирожском монастыре; понедельник и часть вторника—осмотр этого замечательного монастыря и псковских древностей; в 6 часов веч. во вторник в поезд на линию Псков—Полоцк, в $9\frac{1}{2}$ ч. веч.—ст. Тригорская; в Св. Горах, Тригорском и Михайловском—среду, четверг и пятницу до $3\frac{1}{2}$ ч. дня, когда приходит поезд из Пскова; с этим поездом экскурсанты доезжают до ст. Идрица, где и пересаживаются на московский поезд Белорусской ж. дороги.

*) Получены во время печатания книжки.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
Общие методические сведения	6
Пушкинские места Псковской губ.	7
Темы экскурсии.	11
Начало экскурсии	16
Могила поэта	18
Былое	28
Народное	32
Воронич	37
Разгром Тригорского и Михайловского	41
Село Михайловское	49
Арина Родионовна	54
Природа Михайловского и Тригорского	58
Библиотека имени поэта	69
Дополнительные сведения	71